PG 3337
.K2 S54

1860

СКАЗКА

О МУДРОМЪ ЦАРѢ, О ТРЕХЪ ЦАРЕВИЧАХЪ

и

О ШЕСТИ ДИКОВИНКАХЪ.

Маріи Каменской.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1860.

Kamenskaia, Maria

СКАЗКА

О МУДРОМЪ ЦАРѢ, О ТРЕХЪ ЦАРЕВИЧАХЪ

и

О ШЕСТИ ДИКОВИНКАХЪ.

Маріи Каменской.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1860.

PG3337
.K2S54
1860

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1 Октября 1860 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ*

84837
07

88-139698
05-10-88
EP62

СКАЗКА

О МУДРОМЪ ЦАРѢ, О ТРЕХЪ ЦАРЕВИЧАХЪ И О ШЕСТИ ДИКОВИНКАХЪ.

ГЛАВА I.

Жилъ, былъ въ нѣкоторомъ царствѣ,
Въ православномъ государствѣ,
Не теперь, давно ужь въ старь —
Славный, мудрый государь.
Правилъ царствомъ терпѣливо,
Велъ себя не горделиво,
А судилъ-то, какъ рядилъ,
Словно книга говорилъ.
Будь лишь гдѣ недоумѣнье,
Мигомъ выведетъ рѣшенье,
Таково-то подведетъ,
Индо всѣ разинутъ ротъ.

Мудрецы и тѣ дивились,
Умнику-царю винились,
Хоть во лбу семи пядей, —
Не рѣшить имъ такъ въ семь дней,
Какъ онъ батюшка въ минутку,
Скажетъ дѣло, словно шутку,
А ужь тамъ, какъ не верти,
А умнѣе не найти.
Такъ все здраво, да толково,
Словно жемчугъ, а не слово.
Вотъ онъ жилъ, да поживалъ,
Съ супостатомъ воевалъ,
Навозилъ въ свои палаты,
Ткани, турскіе булаты,
Камни, злато, серебро,
И считалъ свое добро,
Не полтинами, рублями,
Мѣрилъ жемчугъ четвертями,
Злато, серебро, — кульемъ;
А парчи — такъ ни почемъ.
Раздавалъ своимъ боярамъ,
Не запослугу, а даромъ,
Такъ — въ гостинцы привозилъ,
Чтобъ народъ его любилъ.
«Дескать мнѣ не раззориться,
Вамъ носить, да веселиться»;
А какъ выѣдитъ верхомъ,
Сыплетъ въ челядь серебромъ,
И ужь такъ-то ему рады,
Что кричатъ всѣ до надсады;
«Здраствуй, батюшка нашъ царь,
Многи лѣта государь!»

Ѣхать — сукна подстилаютъ,
Шапки въ воздухъ всѣ кидаютъ,
И всѣ падаютъ ничкомъ,
Бьютъ царю отцу челомъ.
Ѣдетъ царь межъ нихъ тихонько,
Да киваетъ всѣмъ легонько,
Самъ въ порфирѣ и въ вѣнцѣ
И съулыбкой на лицѣ.
Борода-то вся сѣдая,
Въ крупны кольцы завитая,
А волоски словно ленъ.
И зоветъ къ себѣ всѣхъ онъ:
«Нутко дѣтки подходите,
Коль нужда есть — говорите,
Я васъ слушаю теперь,
Что боитесь?... я не звѣрь.
Я отецъ вамъ, вы мнѣ дѣти,
Вамъ неслѣдъ со мной робѣти».
Скажетъ такъ, — и руки врозь, —
Подходи, цѣлуй небось.
И начнетъ народъ толкаться,
Лѣзть, давиться, продираться,
Чтобы чмокнуть хоть разокъ
Руку, полу, сапожокъ.
За толикія щедроты,
Милосердіе и льготы,
Бога весь народъ молилъ,
Чтобъ царю онъ дни продлилъ.
У царя было три сына,
Каждый парень, что картина,
Каждый соколъ — соколомъ,
И въ отца всѣ — три умомъ.

Царь на нихъ не надышался.
Старшій — Петръ царевичь звался,
Средній былъ по немъ — Андрей;
Солнце-жь батюшки очей —
Сынъ-надежа, утѣшенье,
Похвальба и умиленье,
Былъ царю отъ Бога данъ
Самый меньшинькой — Иванъ.
Всѣхъ сыновъ онъ былъ учливѣй,
Всѣхъ отцу былъ послушливѣй,
Всѣхъ забористѣй умомъ,
Всѣхъ красивѣе лицомъ;—
А душа была какая,
Простота—да распашная,
Приходи проси, весь свѣтъ,
Ужь не вымолветъ: «де нѣтъ,
Богъ подастъ», аль слово лихо;
Все по-божески. да тихо,
Скажетъ: «на, Господь съ тобой,
На, неси къ себѣ домой.»
И что царь отецъ родимый,
Ото всѣхъ онъ былъ любимый;
Хоть и въ родѣ былъ меньшой —
Чтился ровно какъ старшой.
У Ванюшеньки съ рожденья,
Знать въ примѣту, въ украшенье,
Золотыхъ три волоска,
Завивались у виска.
Сверхъ сыновъ въ палатѣ царской,
По щедротѣ государской,
И по сердца добротѣ,
Проживала въ теплотѣ,

Въ нѣгѣ, въ почести и въ холѣ,
На ровнѣ ихъ царской долѣ,
Подъ царя—отца крыломъ,
Словно доченька съ отцемъ,
Словно съ братьями сестрица,
Сиротинушка дѣвица.
Царь ее привезъ дитей,
Какъ съ татарами велъ бой;—
И не то чтобы какая,
Такъ татарочка простая,
Родомъ тожь была княжна,
Но царемъ окрещена
Изъ ихъ вѣры басурманской
Въ церкви божьей христіянской,
Въ нашу вѣру, — и потомъ
Вмѣсто дочки взята въ домъ.
Сирота звалась Наташа.
Врядъ была ли дѣвка краше
Воспитомки царской той?
Словно яблокъ наливной...
Тѣломъ бѣлая, сквозная,
Распреполная такая,
Щеки всѣ горятъ зарей,
Ночь — коса, глаза звѣздой.
Зубы жемчугъ самокатный,
Ростъ — то царской, ровный, статный,
Земляника—не уста.....
Словомъ, чудо красота!
Съ ней царевичи взростали,
Въ жмурки, въ коршуны играли,
Въ городки, въ жгуты, въ плетень,
Цѣлый божій длинный день.

Когда-жь стали смысленѣе,
То-есть разумомъ умнѣе,
Вмѣстѣ съ ней за букваремъ
Повторяли за дьякомъ,
Да съ указкой, терпѣливо,
Громко, четко, не лѣниво:
Буки, онъ, глаголь, еръ, Богъ!
И создатель имъ помогъ.
Книжну мудрость изучили,
Разны буквы выводили,
И молитвы, кондаки,
Знали сами какъ дьяки.
Такъ они всѣ подростали,
А разлуки не знавали.
Шли годочки, да годки,
Надоѣли городки...
Шьетъ Наташенька убрусы,
А царевичи ей бусы
Нижутъ ниткой золотой,
Или черною косой,
Призадумавшись играютъ,
Ленту алую вплетаютъ,
И по бѣлымъ плечамъ
Всю разбросивъ по прядямъ;
И любуясь какъ на диво,
На сестрицу горделиво,
Чешутъ гребнемъ расписнымъ,
Мажутъ масломъ дорогимъ.
И Наташенька не рдѣетъ,
Не стыдится, не робѣетъ,
Только пальчикомъ грозитъ,
Баловать имъ не велитъ.

А привыкнувъ къ нимъ съ-измала,
Шутитъ съ ними горямало,
И не прячетъ красоту
Подъ узорчату фату.
А сама цвѣтетъ и зрѣетъ,
Наливается, алѣетъ,
Хороша какъ Божій день!
Будь не парень, будь хоть пень,
Такъ и тотъ бы ухмыльнулся.
Грѣхъ какъ тутъ и подвернулся,
А извѣстно бѣсъ силенъ,
Гдѣ все ладно — тамъ и онъ.
Всѣ царевичи глядѣли,
Да всѣ трое и сомлѣли,
Не снесли той красоты,
Повлюбились какъ коты,
Въ бѣлоруку, въ бѣлолицу,
Сиротинушку-дѣвицу.
Зла тоска прокралась въ грудь,
Словно сглазилъ кто нибудь.
Словно разомъ очумѣли,
Поблѣднѣли, похудѣли,
Сердце ноетъ и грызетъ,
Отдохнуть имъ не даетъ.
Братья дружны очень были
Разъ сошлись и разсудили,
Что Наташеньки одной,
Быть нельзя троимъ женой. —
А коль грѣхъ такой случился,
Надо онъ, чтобъ разрѣшился
Между братьями тайкомъ,
И покончили на томъ:

Пусть рѣшитъ сама Наташа,
Разлюбезнѣйшая наша,
Кто изъ насъ ей всѣхъ милѣй?
Тотъ пусть будетъ мужемъ ей.
Двумъ другимъ же не сердиться,
Счастьемъ брата веселиться,
Не роптать и не тужить,
Дружелюбно вкупѣ жить.
Тутъ они поцѣловались
Въ крѣпкомъ словѣ всѣ поклялись,
Помолились и потомъ,
Въ теремъ вверхъ пошли втроемъ.
Предъ Наташенькой предстали,
И такую рѣчь держали.
Хоть самимъ бы и не слѣдъ,
Да знать удержу ужь нѣтъ:
«Мы пришли къ тебѣ Наташа,
Разлюбезная ты наша,
Молвить слово здѣсь втроемъ,
Всѣ объ дѣльцѣ объ одномъ.
Ты была намъ всѣмъ сестрица,
А таперя ты дѣвица,
Время замужъ выходить;—
Разсуди насъ, какъ намъ быть?
Всѣмъ троимъ ты намъ любезна.
Всѣмъ троимъ ты намъ болѣзна,
Всѣ мы сохнемъ, всѣ болимъ,
Всѣ мы ноченьки не спимъ.
Насъ краса твоя сгубила,
Словно солнце изсушила,
Всѣ мы сватаемъ тебя,
Выбирай изъ насъ любя.

Кто изъ насъ тебѣ милѣе?
Говори же поскорѣе!
Пусть изъ насъ тебѣ одинъ,
Будетъ мужъ и господинъ.
Выбирай, тебѣ вольготно,
Намъ самимъ-то неохотно,
Межь собою порѣшить.
Говори какъ дѣлу быть?
Будешь ты кому женою?
Звать кому тебя сестрою?»
Слыша рѣчь Наташа ту,
Вдругъ одернула фату
И сердито имъ сказала:
«Я любви такой не знала,
Стыдно вамъ такъ говорить,
Мнѣ ли дѣломъ порѣшить?
Коли я вамъ не сестрица,
А невѣста и дѣвица,
Можно сваху вамъ заслать,
Али батюшкѣ сказать.
Моего онъ лучше знаетъ,
Пусть онъ самъ и выбираетъ,
Пусть прикажетъ я пойду,
А теперь отъ васъ уйду,
Мнѣ не слѣдъ теперь дѣвицѣ
Съ вами быть въ одной свѣтлицѣ.»
Такъ сказала и ушла,
Да и двери приперла.
Вотъ три братца постояли,
Да въ затылкѣ почесали,
И пошли опять втроемъ —
Бить царю—отцу челомъ.

Царь давно смѣкалъ то дѣло,
Сердце ныло и кипѣло,
А какъ выслушалъ сыновъ,
Началъ съ мудрыхъ этихъ словъ,
Три имъ пальца показавши,
Ножъ въ другую руку взявши:
«Вотъ вамъ дѣтки мой отвѣтъ —
Три тутъ пальца, такъ аль нѣтъ?
Нате ножъ, рубите смѣло,
Только такъ, чтобъ не болѣло,
А не то и не замай?...
Кто уменъ, тотъ понимай...»
— «Нѣтъ родимый будетъ больно»,
Вдругъ промолвились невольно,
Всѣ царевичи втроемъ.
«Вотъ и вышло на моемъ —
Разсудили притчу сами»,
Царь сказалъ имъ со слезами:
«Что не палецъ—боль и кровь,
Что не сынъ—одна любовь.
Коль велѣть отцовской властью,
Не бывать межь васъ согласью,
Коль примѣромъ такъ сказать,
Мнѣ Петру Наташу дать,
Разобидется Андрюша,
Коль Андрею, чтожь Ванюша?..
Аль мнѣ пасынокъ не сынъ?
Въ дѣлѣ тутъ исходъ одинъ —
Пусть судьба сама вѣнчаетъ
Одного изъ васъ какъ знаетъ.
Я-жь, пожалуй подспорю...
Слушать, что я говорю!

Дамъ всѣмъ тремъ вамъ, по завѣту,
Поѣзжайте-ко по свѣту,
Посмотрѣть и погулять,
Мнѣ диковинъ поискать.
Да такихъ, чтобъ въ бѣломъ свѣтѣ
Не бывало на примѣтѣ,
Чтобы слухомъ не слыхать,
Что запросятъ — то и дать.
Кто изъ трехъ изъ васъ хитрѣе,
Разкрасивѣй, мудренѣе
Мнѣ диковинку найдетъ,
Тотъ Наташу и возьметъ.
Снаряжу васъ въ путь конями,
Жемчугомъ и соболями;
Дамъ вамъ злата, серебра,
Много разнаго добра;
Дамъ бояръ моихъ и стражу,
Все какъ-слѣдъ для васъ улажу.
Дамъ вамъ платье всѣмъ съ плеча,
Поѣзжайте сгоряча.
За морями позайметесь,
На диковинки наткнетесь,
Кто счастливъ, а кто и нѣтъ, —
И тому не клиномъ свѣтъ.
Понимаетель навѣтки?...
Ну живѣе къ сборамъ дѣтки!..»
Царь сказалъ и замолчалъ,
Послушанья ожидалъ.
И царевичи послушно,
Всѣ втроемъ единодушно
Повалились объ полъ лбомъ,
Только молятъ объ одномъ:

Отложить всѣ лишни сборы,
Всѣ богачества, уборы,
Дать кису лишь пополнѣй,
Быстроногихъ трехъ коней,
Наградить ихъ кладенцами,
Да мѣшки дать съ сухарями.
И безъ стражи, сей же часъ,
Дать уѣхать имъ наказъ.
Царь подумалъ, согласился,
Хоть не много прослезился,
Обнялъ ихъ поцѣловалъ,
И наказъ имъ ѣхать далъ.
Сборы долго не велися,
Братья мигомъ собралися,
За вороты и путемъ,
Ѣдутъ ночью, ѣдутъ днемъ.
Ѣдутъ лѣсомъ и степями,
Высочайшими горами,
Отдохнутъ у ручейка,
Проглотнутъ три сухарька,
И опять коней сѣдлаютъ,
Путь свой дальній продолжаютъ,
Помня батюшкинъ завѣтъ,
Да и устали имъ нѣтъ.
Ночька свѣтлый день смѣняетъ,
Ихъ недѣлька догоняетъ,
Мѣсяцъ въ слѣдъ за ней идетъ,
По пятамъ другой бредетъ.
Скоро сказка говорится,
Только дѣло не спорится;
Въ пятый мѣсяцъ и три дни,
Вдругъ заѣхали они,

Рано утромъ на поляну,
Зги не видно отъ тумана;
Нѣтъ пути, пропалъ и слѣдъ,
Солнца-жь будто-бы и нѣтъ,
Такъ лишь брежжется немножко,
Словно зимній день въ окошко,
И стыдится знать само,
Что похожо на бѣльмо.
Кони вдругъ тутъ позамялись,
Учли фыркать, упирались,
Нече дѣлать, надо встать
Овсеца лошадкамъ дать.
Въ торбы глядь — не то чтобъ мало,
Да и вовсе небывало,
Хоть бы-те одно зерно
Было гдѣ заронено.
А вечеръ кажись купили,
Какъ же такъ поразсорили?
И царевичи втроемъ,
Опечалились о томъ,
Что ихъ кони голодаютъ,
Какъ помочь бѣдѣ не знаютъ.
«Плохо братцы, какъ намъ быть?..
Хоть сѣнцомъ бы покормить...»
Вдругъ мерещется въ туманѣ,
На широкой на полянѣ,
Сѣна добрая копна
Не далеко сложена.
Братцы всѣ развеселились,
И въ догонку къ ней пустились,
Не успѣли добѣжать,
Да и ну ее щипать.

Вдругъ копна, какъ замычала,
Дрожъ царевичей пробрала.
Индо волосъ дыбомъ сталъ,
Индо духъ совсѣмъ упалъ.
Кто-же дива не боится?
Глядь копна и шевелится...
Чу! копна и говоритъ:
«Кто мнѣ бороду тащитъ?
Люди добры, пощадите,
Волоса мнѣ не щиплите,
Здѣшній я косарь Панфилъ», —
Голосъ древній завопилъ.
И царевичи дивятся,
Ну глядѣть, копны касаться,
Видятъ будто-бы она —
Ровно дѣдъ... а не копна,
Дѣдъ оросъ весь волосами,
Брови длинными космами,
Глазъ не видно, а рѣсницы
По щекамъ висятъ какъ спицы,
А усы то съ бородой,
Съ груди внизъ бѣгутъ волной,
Ротъ и уши затыкаютъ,
Руки, ноженки скрываютъ.....
Ну, копна себѣ копной,
Да такой-то пресмѣшной,
Какъ всѣ братцы не спужались,
Нестерпѣли, засмѣялись,
А потомъ и въ хохотокъ,
Надорвали животокъ.
Какъ поотдало маненько,
Молвилъ Ванюшка смѣленько:

«Пожалѣй насъ, дай отвѣтъ:
Что копна ты, али дѣдъ?..»
— «Кто тутъ? Кто тутъ? не глумитесь,
Знать вы Бога не боитесь,
Аль вы вовсе безъ креста,
Что не жаль вамъ живота?
Я не вижу васъ глазами,
Залѣпило всѣ космами,
Что вы люди, али нѣтъ?»
Былъ копны такой отвѣтъ.
И царевичи стыдятся,
Ну—ка дѣду извиняться,
Ну ему поклоны бить,
Ну прощенія просить.
Тутъ Иванъ краснорѣчивый
Отдалъ вновь поклонъ учливый,
И одинъ, за всѣхъ троихъ,
Молвилъ дѣду, съ словъ такихъ:
Извини насъ дѣдъ почтенный,
Что забыли долгъ священный,
Старость стали забижать,
Волоса твои трепать.
Видитъ Богъ мы обманулись,
А не тобъ не дотронулись,
Стыдно намъ теперь самимъ,
Ты прости намъ всѣмъ троимъ,
Мы по молодости лѣтъ
По надѣлали тутъ бѣдъ.
Разрѣши намъ благодушно,
И готовы мы послушно,
Службу вѣрну сослужить,
Лишь бы совѣсть облегчить.

Мы не даромъ вѣдь цари;
Что те надо, говори?
Что не спросишь все мы можемъ,
Силой, деньгой, всѣмъ поможемъ,
Наградимъ и защитимъ,
Въ теремъ царской пріютимъ.
Лишь проси, и вотъ—те слово,
Будетъ все тебѣ готово.»
И всѣ братцы вновь челомъ
Нутка бить предъ старикомъ.
Дѣду стало знать пріятно,
И сказалъ онъ братцамъ внятно:
«Ну ужь Богъ васъ всѣхъ проститъ,
Помнить зла онъ не велитъ.
А коль службу вы хотите,
Сослужить, такъ сослужите:
Попщите-ко въ ногахъ,
Али въ двухъ отсель шагахъ,
Тутъ должна коса валяться,
Не могу я нагинаться
И не вижу, вотъ вамъ Богъ!»
— «Вотъ коса лежитъ у ногъ!»
Всѣ царевичи сказали.
Косу дѣду подавали:
«Но заржавѣла она,
Ни куда ужь не годна.»
«Ну тупа—такъ поострите,
Да скорѣе и скосите
Волоса мнѣ всѣ долой!»
— «Какъ, косить тебя косой?»
Всѣ царевичи вскричали,
И языкъ себѣ кусали,

Чтобы смѣхъ свой поунять,
Старика не забижать.
«Что ты дѣдушка въ умѣ ли?
Чтобъ косить тебя мы смѣли.
Аль морочишь только насъ?..»
«Нѣтъ прошу усердно васъ —
Службу мнѣ вы сослужите,
Волоса мои скосите:
Былъ на то мнѣ данъ завѣтъ,
Я увижу бѣлый свѣтъ.
Только косу поострите,
Да не больно ужь дерите,
Разскажу вамъ обо всемъ
Когда скосите, потомъ.
Начинайте, что пужаться...»
Дѣлать нече — надо взяться,
Проситъ — надо ублажить,
Ну! скосить, такъ и скосить.
Отыскалъ Иванъ точило,
Что въ дорогу взято было,
Косу важно отпустилъ,
Да и къ дѣлу приступилъ.
Вверхъ взвилась коса, блеснула,
Противъ шерсти какъ махнула,
И пошелъ валять Иванъ,
Дѣдъ сталъ ровно какъ кочанъ.
Космы всѣ съ него слетѣли,
Ожилъ, глазынки прозрѣли,
Всталъ, стряхнулся молодцемъ,
Да и дѣло все съ концемъ.
И царевичи дивятся,
На него не наглядятся,

Благолѣпный сталъ такой
Чистый, гладенькой собой.
И не то чтобы согбенный,
Ровно какъ новорожденный,
Всё смѣется, вкругъ глядитъ,
Братьевъ всѣхъ благодаритъ.
А царевичи всѣ трое,
Не даютъ ему покоя,
Про завѣтъ хотятъ все знать,
Просятъ дѣда разсказать,
И какими онъ судьбами
Пообросъ такъ волосами?..

—

ГЛАВА II.

Попрочахнувъ началъ дѣдъ:
«Много я извѣдалъ бѣдъ, —
Вотъ сто лѣтъ тому, въ петровки,
Разодѣлся я въ обновки,
И пришелъ сюда косить.
Вижу дѣвки, ну шалить,
Дѣло по боку, играю,
Дѣвокъ въ сѣно зарываю,
А онѣ всѣ, ну визжать,
Такъ что ихъ и не унять.
Вдругъ смотрю, стоитъ бояринъ,
Обозлился — какъ татаринъ,
Да и прямо на меня.

Весь какъ листъ затресся я,
Слухъ у насъ давно носился,
Что съ нечистымъ онъ водился,
Душу продалъ сатанѣ,
Ночью видѣли въ окнѣ
Какъ онъ съ чортомъ цѣловался,
Въ молодикъ съ нимъ угощался,
И кормилъ самъ чертенятъ
Макомъ, люди говорятъ.
Что-жь ему душа людская?
Ляля просто... Всё то зная,
Больно я ужь оробѣлъ,
Не дышалъ, совсѣмъ сомлѣлъ,
И въ ногахъ его валялся.
Тутъ бояринъ подобрался,
Да какъ хватитъ за чупрынъ:
«А! попался вражій сынъ!..»
Заревѣлъ и по полянѣ,
Въ новомъ-то меня кафтанѣ,
Ужъ таскалъ кругомъ, таскалъ,
Да таская причиталъ:
«Такъ-то ты справляешъ службу!
Докажу тебѣ я дружбу...
Такъ-то ты косилъ траву?
Я те голову сорву...
Да и что съ тобой возиться,
Долго-ль такъ понадсадиться,
Ну, вставай, голубчикъ мой,
Справлюсь лучше я съ тобой, —
Чтобъ впередъ на луговинѣ,
Въ умъ не впало бы дѣтинѣ
Дѣвокъ по лугу катать

И траву боярску мять.»
Да меня какъ вверхъ потянетъ,
Да на пень меня какъ грянетъ,
И съ своей руки кольцо —
Приложилъ мнѣ на лицо.
Да какъ гаркнетъ, что есть мочи,
Индо выкатились очи:
«Ну сиди, сиди, сиди!
Вѣкъ не движься, не ходи,
Чувствуй всё, не ѣшъ, не пей,
Понимай все, разумѣй,
Чувструй боль и чувствуй муку,
Вѣдай горе, вѣдай скуку,
Вѣкъ томись и вѣкъ страдай,
Все живи, не умирай!..
Чтобъ отнынѣ и до вѣка
Не бывало человѣка,
На большой полянѣ сей,
Чтобы силою моей,
Здѣсь трава ужь невзростала,
Вся-бъ изсохла, вся пропала,
Чтобы сила, что въ травѣ,
Вся была-бъ здѣсь — въ головѣ
Косаря сего Панфила,
Волоса-бъ его ростила...
Чтобы волосъ росъ и росъ,
И всего его занесъ...
Чтобъ пропалъ за волосами,
Чтобъ не видѣлъ свѣтъ глазами,
Чтобъ копной живою былъ,
Вѣкъ бы помнилъ какъ косилъ.
И въ исходѣ только вѣка, —

Ты увидишь человѣка, —
И коль онъ тебя скоситъ,
Чародѣйство разрѣшитъ
Надъ твоею головою,
Этой самою косою,
А покуда все сиди!..»
Весь я обмеръ до груди,
Къ пню всѣмъ тѣломъ приростился,
Весь какъ камень отвердился, —
Лишь языкъ остался, слухъ,
Мысль, понятіе да духъ.
Вижу люди всѣ съ поляны,
Въ страхѣ мчатся какъ бараны,
А бояринъ сталъ мельчать,
Меньше, меньше, утопать...
И изчезъ весь съ головою,
За зеленой муравою.
И съ тѣхъ поръ, я цѣлый вѣкъ,
Былъ ни пень, ни человѣкъ,
А извѣдалъ сколько муки,
Пропадаючи отъ скуки,
Всё сидѣлъ, сидѣлъ, сидѣлъ,
И сто лѣтъ не пилъ, не ѣлъ.
Прежде видѣлъ хоть глазами,
А потомъ подъ волосами,
Будто глазынекъ и нѣтъ,
Скрылся мнѣ и Божій свѣтъ.
А ужь сколько посмѣянья,
Злющей боли, поруганья
Я извѣдалъ, Богъ прости—
Никому бы не снести:
Хладной зимнею порою,

Весь подъ снѣжною горою
Я скрывался, исчезалъ,
Тяжесть страшную держалъ.
Вечеркомъ, какъ лишь смеркалось,
Стая вороновъ слеталась
На меня покрывшій снѣгъ,
Пріютиться на ночлегъ,
Ихъ болтуньи бѣлобоки
Замѣняли днемъ — сороки,
Чтобы прыгать и трещать,
Мнѣ покою не давать.
А на брюхѣ, подъ космами,
Зарываясь волосами,
Видно ради теплоты, —
Мыши разныя, кроты
Въ бородѣ тутъ зимовали,
Рылись, грызли, щекотали,
И подъ сердцемъ всѣ потомъ
Спали свившися клубкомъ.
Первой раннею весною,
Надъ моею головою
Потѣшались воробьи,
Снигири и соловьи;
Волосъ долгій выдирая,
Гнѣзда птенчикамъ свивая,
Скачутъ, щелкаютъ, поютъ
Въ глазъ мнѣ яица кладутъ,
И клюютъ мнѣ прямо въ темя.
Лѣтомъ, въ жаркое-то время,
Комары поналетятъ,
Жалятъ, на ухо трубятъ;
Заберется въ волоса,

Ядовитая оса;
Пчелы, мухи, таракашки,
Стрекозы, клещи, букашки;
Вотъ ужь тутъ-то сущій адъ!
А подъ осень сколько гадъ!
Всѣ голодные, сырые,
Всѣ прескользкіе такіе...
А дожжемъ-то, градомъ бьетъ,
Кто съ ума тутъ не сойдетъ?
И при эвдакомъ мученьи,
При обидномъ униженьи,
Поизвѣдавъ столько бѣдъ,
Я не умеръ сотню лѣтъ.
Знать нечистая все сила
Умереть-то мнѣ претила.
И бояринъ какъ сказалъ —
Слово крѣпкое сдержалъ.
Вамъ, царевичи, спасибо;
Ну, какъ вы да не пришли бы?
И боярской чары злой
Не скосили бы косой?
А теперь по крайней мѣрѣ
Мнѣ открыты смерти двери,
Умирать — такъ умирать,
Жить — такъ будемъ поживать!..
Я таперича не связанъ,
Волей сладкой вамъ обязанъ,
Все по вашей добротѣ...
Ой! бурлитъ на животѣ;
Какъ бы мнѣ чего поѣсть.....
Чай у васъ запасецъ есть?...»
— «Есть, старинушка, садися,

На, покушай, усладися;
Ты давненько не ѣдалъ,
Чай совсѣмъ поотощалъ?! —
Три царевича сказали,
Всѣмъ что было угощали,
А голодный дѣдъ Панфилъ
Рукава позасучилъ,
Выпилъ водочки столбуху,
Пирога уплелъ краюху,
Крякнулъ, вытерся полой
И улегся на покой.
Сномъ, какъ разъ сомкнуло очи,
Захрапѣлъ онъ что есть мочи,
Сладко, съ присвистомъ слегка,
Индо слюнка у ротка.
И не диво такъ сказать:
Сотню лѣтъ-то не поспать;
Разомъ тутъ склонитъ ко сну,
Словно ключь пойдешь ко дну.
И царевичи всѣ трое,
Такъ не для ради покоя,
А чтобъ дѣду не мѣшать,
Улеглися полежать.
«Кони могутъ попоститься
Какъ уѣхать непроститься?
Видно надо погодить,
Старика-то жаль будить.
Выйдетъ больно ужь не честно,
И дорога не извѣстна;
Ну, пожалуй, поѣзжай,
Да безъ проку и блуждай.
Дай-ка срокъ, ужо проснется —

И дороженька найдется;
Здѣшній — знаетъ онъ пути;
Какъ ему-то не найдти».
Такъ царевичи шептали,
Мошекъ съ дѣда прогоняли
И подъ сладку храпоту,
Впали сами въ дремоту
Пріутихли, присмирѣли,
Да и сами захрапѣли.
Вотъ и спятъ они, храпятъ,
Съ дѣдомъ четверо всѣ въ рядъ,
Спятъ они, туманъ рѣдѣетъ,
Небо ясно голубѣетъ,
Солнце огненнымъ шаромъ,
Покатилося по немъ.
И разсыпчато лучами,
Полилося внизъ струями,
Землю жаритъ и палитъ,
Бѣлый паръ съ земли валитъ.
А подъ паромъ молодая
Травка всходитъ зеленая.
А по ней что твой коверъ,
Въ разхитрѣющій узоръ,
Гдѣ кружечкомъ, гдѣ каймою,
Заплетаясь межь собою,
Всходитъ ландышъ разсыпной,
Колокольчикъ голубой,
Медорозовая кашка,
Бѣлоснѣжная ромашка
И боярска важна спѣсь
Мотылька манитъ присѣсть.
Шнырятъ бабочки порхуньи,

Стрекозы летятъ прыгуньи,
И сухой заглохшій лугъ,
Разукрасился весь вдругъ.
Птицы пестрою станицей
Налетѣли вереницей,
Ну, вотъ рай, ни дать, ни взять!
Видя Божью благодать,
Кони царски не стерпѣли,
Сорвались и полетѣли
На зеленую траву,
Защипали мураву.
Понаѣлись до отвалу,
Ну кататься съ перевалу,
Гдѣ бочкомъ, а гдѣ спиной
По перинкѣ зеленой.
Солнце наполдень ужь встало,
Ровно каменка пылало,
А царевичи все спятъ,
Съ дѣдомъ четверо всѣ въ рядъ
Первый Ваня шевельнулся,
Руки вверхъ и потянулся,
Попродралъ глазокъ, другой:
«Фу ты пропасть, что такой?
Что проснулся или сплю я?»
Молвилъ вдругъ царевичъ плюя.
«Дай-ко суну палецъ въ ротъ...»
Закусилъ, какъ за оретъ:
«Фу ты дьяволъ боль какая...»
Пальцемъ по вѣтру махая,
Заворчалъ онъ про себя:
«Чтобъ отсохъ ты у меня!
И съ чего я сталъ кусаться?»

Началъ Ванюшка ругаться:
«Чтобъ и зубы-то мнѣ вонъ...
Я не сплю... какой тутъ сонъ...
Эка притча преключилась,
Ровно все переродилось...
Я не тутъ ложился спать,
Вишь какая благодать!..
Вишь какъ паритъ словно баня,,
Отираясь молвилъ Ваня.
«Только вѣники ломай,
Парься знай — не поддавай.
Знать насъ всѣхъ нечиста сила,
Прочь съ поляны утащила.
Дай-ко братцевъ разбужу,
Что-то скажутъ погляжу...
Братцы ро́дные, проснитесь!
Чуду, диву, подивитесь!»
Началъ Ванюшка кричать,
Братьевъ за плеча качать.
Петръ съ Андреемъ пробудились,
Очи вылупивъ дивились,
Не узнать поляны имъ,
Четвернею всѣмъ троимъ.
Вотъ и тоже, да не тоже,
Та была куда погоже:
Глушъ такая, пустота,
Эвта — просто красота!
Такъ царевичи судили,
Всё руками разводили,
Да и стали ровно пни,
Призадумавшись они.
«Стойте, братцы, вонъ, тамъ кони!

Что раскисли, словно сони?
Петя! глянь, вонъ вороной!
Вонъ, Андрюша, твой гнѣдой!
Вонъ моя гуляетъ Лыска,
Вишь какъ уши держитъ низко...
Какъ ее мнѣ не признать?
Надо братцы ихъ поймать».
— Что-ты, что-ты братъ Ванюха,
Ну какъ выйдетъ да проруха;
Намъ ловить совсѣмъ не слѣдъ
Понадѣлаемъ мы бѣдъ.
Ну, какъ кони-то чужіе,
Конокрады что-ль какіе!
Мы царевичи!... стыдись!...
— «Одурѣли вы кажись?..
Вѣдь поляна-то всё таже
Аль не видѣти вы даже?
Эво пѣнь, а вонъ коса,
Эво дѣда волоса...
Аль не я ихъ прочь скосилъ?»
Ваня братцамъ говорилъ.
Тутъ всѣмъ братьямъ на помогу
Поднимаясь по немногу,
Закалякалъ дѣдъ Панфилъ,
Диво, чудо, пояснилъ.
«Что тутъ за диво? не диво,
Что муравка такъ красиво,
Больно скоро подросла,
Что цвѣтами расцвѣла...
Сами вы тому виною:
Не подъ вашей ли рукою
Отлетѣла подъ косою

Чара злобная долой?
А теперя вся та сила,
Что мнѣ волосы ростила,
Въ мать сыру землю ушла,
Травку къ верху погнала.
Тутъ вамъ нечего дивиться,
Надо только помолиться,
Что наслалъ сюда васъ Богъ,
Съ чарой справиться помогъ.
Ну, прощайте, дай вамъ Боже,
Что всѣмъ по сердцу дороже,
Мнѣ-жь царевичи пора,
Доташится до двора.
Какъу шелъ-то я въ петровки,
У Аксиньи — чернобровки,
Сосуночикъ малый былъ;
Чай внучатъ мнѣ народилъ...
И они всѣ поженились,
Чай и правнукъ не одинъ,
И изъ нихъ всякъ семьянинъ.
Побреду, авось признаютъ,
Попригрѣютъ, приласкаютъ,
Сердце дѣду отведутъ»...
Кончилъ дѣдъ прощаться тутъ
И побрелъ себѣ прытконько.
— Дѣдъ Понфилъ! постой, постой-ко,
Есть намъ дѣльце до тебя;
Помоги ты намъ любя».
Всѣ царевичи кричали,
Вслѣдъ за дѣдушкой бѣжали.
Услыхалъ ихъ дѣдъ Панфилъ,
Вспять тотъ часъ поворотилъ.

«Укажи намъ, ради Бога,
Гдѣ съ поляны тутъ дорога?
Намъ до завтра не найдти.»
— «Есть съ поляны три пути, —
— А куда дорога ваша?
Тамъ земля ужь все не наша,
Тамъ все нехристи живутъ.
Вотъ дорога въ лѣво тутъ,
Что пойдетъ вонъ за курганомъ,
Прямо выйдетъ къ бусурманамъ,
Тамъ сидитъ на тронѣ котъ,
Правитъ, подати беретъ.
Въ золотой живетъ кошолкѣ,
Носитъ разны болоболки,
Красны, шиты сапожки,
Золотые колпачки.
Много тамъ ему почтенья,
Баловства и уваженья,
Котъ не ходитъ на ногахъ,
Люди носятъ на рукахъ,
Въ разукрашенномъ лукошкѣ.
Всѣ къ нему подходятъ къ ножкѣ,
Важно котъ себѣ сидитъ,
Только лапкой шевелитъ...
Вправо эво, отъ дубочка,
Ишь, виднѣется гдѣ кочка,
Къ морю прямо путь пойдетъ,
Тамъ корабль людей беретъ;
Со бѣлыми парусами,
Съ золочеными кормами,
И по страшнымъ волнамъ,
Ихъ отвозятъ къ берегамъ

Круто-Острова большаго.
Тамъ порядка все другаго:
Рыжа тёлка тамъ сидитъ,
Широбокая на видъ.
Жиръ на ней виситъ комками,
Не бадетъ она рогами;
Слышь, камолая она,
И добра, кротка, смирна.
Не творитъ она обиду,
Правитъ царствомъ, такъ для виду,
Сладко ѣстъ она, и пьётъ,
Ей большой отъ всѣхъ почетъ.
Чинно тамъ, все по разрядамъ,
Люди ходятъ больше задомъ,
Чтобъ стоять все передкомъ,
Передъ телкинымъ лицемъ,
Тамъ темно, тамъ гарью пахнетъ,
Русской скоро тамъ зачахнетъ.
Тамъ себѣ всѣ на умѣ,
Даромъ бродятъ, что во тьмѣ.
Прямо, эво отъ пригорка,
Будетъ больше еще горка,
А за ней и путь пойдетъ;
Тамъ еще народъ живетъ.
За высокими стѣнами,
Съ разпреострыми зубцами.
Тѣсно тамъ кишма кишитъ,
Змѣй крылатый тамъ сидитъ,
Съ поперечными глазами,
Съ плоскимъ носомъ и когтями.
Люди ходятъ тамъ безъ ногъ,
На макушкѣ хохолокъ.

Курятъ чертово тамъ зелье,
Много знаютъ рукодѣлья,
Палкой больно всѣхъ тамъ бьютъ,
Травкой торгъ они ведутъ.
И та травка слышь такая,
Разпревкусная, сладкая,
Что коль разъ ее попить —
Будетъ вѣкъ тебя манить.
Въ эвтихъ трехъ всѣхъ государствахъ,
И кота и телки царствахъ,
И сидитъ гдѣ змѣй крылатъ,
По-людски не говорятъ.
У кота всѣ распѣваютъ,
Тамъ гдѣ телка, люди лаютъ,
А сидитъ гдѣ змѣй крылатъ,
Руки, слышъ ты, говорятъ.
Что ни шагъ тамъ — встрѣтишь чудо,
Посмотрѣть — оно не худо.
Есть у нихъ, у всѣхъ троихъ,
Много дивныхъ дѣлъ такихъ,
Что ума вишь помраченье:
Все стоитъ на поглядѣнье,
А заѣзжій къ нимъ народъ
Ходитъ вкругъ, разинувъ ротъ.
Только ѣсть у нихъ не станьте,
Душу тамъ не опоганьте,
Всяку погань за урядъ,
Эвти нехристи ѣдятъ.
Поглядѣть, такъ объѣденье,
Вкусъ такой, да украшенье,
Слюнка такъ и потечетъ,
А разинь-ка дурень ротъ,

Проглотнешь какъ разъ котенка,
Пса, лягуху, аль мышенка.
Христіянская душа
Пропадетъ не изъ гроша.
И носи опосля брюхо,
Гдѣ всё квакаетъ лягуха...»
Покалякавъ обо всемъ,
Всѣ царевичи потомъ
Скоро съ дѣдомъ распрощались,
Въ путь-дорогу собирались,
Давши слово межь собой,
На полянѣ зеленой,
Вспять какъ будутъ возвращаться,
Имъ опять и повстрѣчаться.
Чтобъ съ нее опять втроемъ,
Ѣхать вмѣстѣ, въ отчій домъ.
Тутъ три травочки сорвавши,
Царствомъ каждую назвавши,
Та-де телка, та-де котъ,
Та-де змѣй-крылатый тотъ,
Съ поперечными глазами.
И своими всѣ руками
Положили на пенекъ;
Отъ пенька отворотились,
Понакинули платокъ.
Въ три сторонки помолились
И прищуривши глазкомъ,
Суютъ руку подъ платокъ.
Котъ Петру сейчасъ попался,
Змѣй Иванушкѣ достался,
Телку вытащилъ Андрей,
«Ну, поѣдемте скорѣй!»

Братцы въ голосъ закричали,
Трехъ коней своихъ сѣдлали,
И разъѣхались потомъ,
Жребьемъ выбраннымъ путемъ.

—

ГЛАВА III.

Петръ царевичъ, все горами,
Ѣдетъ днями и ночами,
Только съ горки коль сбѣжитъ,
Ужь опять гора стоитъ.
И дороженька взбираясь,
Ели-ели прицѣпляясь,
Выше, выше все идетъ,
Небо ко низу ползетъ.
Петръ царевичъ къ верху взглянетъ,
То и смотритъ: ай! придавитъ!..
Солнце въ маковку печетъ,
Индо страсть его беретъ.
Шапка какъ не загорится,
Смерть какъ хочется напиться
Въ горлѣ такъ вотъ и скребетъ,
А водицы не найдетъ.
Взглянетъ внизъ, а подъ горами
Такъ вотъ цѣлыми морями,
Голуба вода лежитъ,
Дразнитъ душу и манитъ.
И не стало ужь терпѣнья,

Выносить Петру мученья,
Хоть вотъ душу погубить
Только въ горлѣ промочить.
Смотритъ онъ, а надъ водами,
Протянувшись полосами,
Ровно домики стоятъ,
Даль туманную пестрятъ
«Не кота-ль то государство?
Не его ли эвто царство?
Дай коня я сворочу,
Прямо въ городъ поскачу.
Нече больше мнѣ томиться,
Смерть какъ хочется напиться.
Чай тамъ въ городѣ большомъ
Напоятъ меня квaскомъ...
Петръ шепнулъ и ну спускаться,
Ближе, ближе, приближаться.
Путь подъ горку все идетъ,
Городъ выше все ростетъ.
И повыросли палаты,
Высочайши пребогаты,
Индо застятъ Божій свѣтъ,
Оконъ тьма—и счету нѣтъ.
Петръ подѣхалъ, видитъ—что же?
Эка жалость, ахъ ты Боже!
Все потоплено водой,
Нѣтъ дороги ни одной...
Хоть бы-те одинъ проулокъ,
Аль сухой гдѣ закоулокъ,
Всё палаты да вода,
Вотъ-то сущая бѣда.
Вотъ-то Божіе насланье,

За грѣхи знать наказанье...
Что тутъ дѣлать? какъ тутъ быть?
Дай подъѣду хоть испить.
Петръ подъѣхалъ, слышитъ пѣсни!
«Фу ты дьяволъ хоть ты тресни!
Ничего мнѣ не понять.
Гдѣ кому тутъ распѣвать?»,
Вдаль взглянулъ, а по водицѣ,
Шнырятъ въ лодочкахъ дѣвицы,
Люди черные гребутъ,
Пѣсни сладкія поютъ.
И такая ихъ тамъ сила,
Воду всю позапрудила,
Индо страхъ Петрушу взялъ.
«Экой грѣхъ, куда попалъ...
Здѣсь не чисто, все русалки;
Вишь, разъѣздились нахалки...
Вишь, какъ горлы-то дерутъ
Люди черны, что гребутъ.
Знать погибшія все души,
Что русалки, въ море съ суши,
Подманили вечеркомъ,
Нѣжно сладкимъ голоскомъ,
А потомъ защекотали...
«Какъ меня бы не поймали»?...
Петръ царевичъ говорилъ,
Воздухъ вкругъ себя крестилъ.
Вдругъ и ноги подкосило,
Видитъ лодка подкатила
И сидитъ на ней гребецъ,
Разкрасавецъ-молодецъ.
Поподъѣхавъ очень близко,

Поклонился въ поясъ низко,
И царевичу потомъ,
Молвилъ русскимъ языкомъ:
«Петръ царевичъ не пужайся,
Ты не бось, не сумлѣвайся,
Понадѣйся на меня,
Не обидятъ тутъ тебя.
Русской я, ты слышъ какъ баю;
Всѣхъ я васъ давненько знаю,
Есть у васъ и царь отецъ,
Величающій мудрецъ.
У царя васъ три сыночка,
Да пріемная есть дочка,
Ну скажика, такъ, аль нѣтъ?»
— Такъ.— Петрушинъ былъ отвѣтъ.
Жилки всѣ въ немъ затряслися,
Слёзы градомъ полилися,
Въ лодку задалъ онъ прыжка,
Обнялъ крѣпко земляка.
Мало-ль, долго-ль цѣловались,
Долго-ль мало-ль обнимались,
Вотъ быстро ладья летитъ,
Петръ царевичъ въ ней сидитъ.
А гребецъ ведетъ разсказъ:
«Много дива здѣсь у насъ.
Эвто все кота вѣдь царство,
Все его-же государство.
Только онъ здѣсь не живетъ,
Жизнь онъ сладкую ведетъ.
Тамъ повыше, вонъ на горкѣ,
Въ раззолоченой кошолкѣ,
За него старикъ сѣдой

Правитъ эвтой стороной.
Да еще изъ-подъ руки,
Невидимки-старики
Дѣломъ, вишь ты, заправляютъ;—
Ихъ десятокъ, люди баютъ.
Можетъ быть народъ и вретъ.....
Вотъ старикъ-то гдѣ живетъ».
Видитъ Петръ стоятъ палаты,
Звѣри страшные, лохматы
Двери лежа стерегутъ.
Волны прямо въ стѣны бьютъ.
Ѣдутъ, ѣдутъ, нѣтъ землицы,
А навстрѣчу имъ дѣвицы,
Непомѣрной красоты,
Ѣдутъ въ лодкахъ безъ фаты.
«Вотъ царевичъ посмотрико,
Вотъ тутъ чудо превелико,
Безъ земли тотъ мостъ виситъ,
Вѣкъ свой жалобно вопитъ...»
Петръ взглянулъ, а мостъ горбатый,
Претяжелый, да пузатый,
Безъ земли себѣ виситъ,
Больно жалобно вопитъ.
Точно въ немъ душа чья ноетъ;
Петръ царевичъ какъ завоетъ,
Слезы такъ и потекли,
Жаль моста, что безъ земли.
Долго-бъ Петръ еще провылъ,
Да гребецъ остановилъ.
«Ну, не плачь, здѣсь веселѣе.
Вытри очи поскорѣе,
Выйдемъ вмѣстѣ на базаръ,

Позѣваемъ на товаръ».
Петръ взглянулъ и ухмыльнулся,
Съ лодки выпрыгнуть рванулся.
«Ай пусти, пусти меня;
Землю, землю вижу я!..»
Вышелъ Петръ, лежитъ площадка,
Камнемъ выбитая гладко,
Лавки рядышкомъ стоятъ,
Въ нихъ парчи, камки висятъ,
Ленты, серьги, побрякушки,
Разны дѣтскія игрушки,
Червчатъ бархатъ дорогой,
Да небесно голубой.
Зеркала стоятъ стѣнами,
Лавки цѣлыя съ замками.
Хитро кружево виситъ,
Бисеръ радужный блеститъ,
Цѣпи разныя златыя
И запястья дорогія.
И чего, чего тамъ нѣтъ:
Всюду радость, всюду свѣтъ.
Петръ царевичъ зазѣвался,
Межъ народу затолкался,
Все диковинку искалъ,
Да гребца и потерялъ.
И не ищетъ, ходитъ, бродитъ,
Съ лавокъ глазыньки не сводитъ;
Все къ себѣ его манитъ,
Самъ себѣ онъ говоритъ:
«Все купить оно не худо,
Все-жъ оно еще не чудо;
Царь отецъ мнѣ приказалъ,

Чтобъ диковинку досталъ,
Все прекрасно, все красиво,
Все-жъ оно еще не диво.
Чтобы слухомъ не слыхать—
Гдѣ-бъ такое мнѣ достать?»
Вдругъ онъ слышитъ гулъ несется,
Будто пѣсня раздается, —
И выводитъ голоскомъ,
Чисто русскимъ языкомъ.
«Эй! заморскіе народы,
Расступитеся уроды;
Вышелъ русской на базаръ;
Продаю я свой товаръ,
Не всѣму бѣлому свѣту;
Продаю я по завѣту.
Кто ту пѣсенку пойметъ,
Тотъ диковинку найдетъ.
Ай-люли, да ай-люли,
Продаю не за рубли.
Не за гривны золотыя,
Не эфимки разсыпные,
А за мечь—за кладенецъ,
Купитъ кто, тотъ молодецъ.»
Словно вотъ съ цѣпи сорвался,
Петръ царевичъ затолкался.
Видитъ—гость стоитъ честной,
Перевозщикъ молодой.
Вздѣта шуба парчевая,
Шапка на бокъ мѣховая,
Поясъ кованный златой
По рубахѣ голубой.
И обуты обѣ ножки

Въ красны кожаны сапожки,
На высокихъ коблучкахъ,
Рукавички на рукахъ.
На лоточкѣ—на дубовомъ,
На платочкѣ—на шелковомъ,
Ясно зеркальце несетъ,
Что есть силушки поетъ.
«Стой землякъ! тебя я знаю,
Диво я здѣсь покупаю».
Петръ царевичъ закричалъ,
И къ лоточку подбѣжалъ.
«Эхъ ты братецъ, гдѣ-жъ тутъ диво»?
Молвилъ онъ купцу спѣсиво:
«Ужъ не зеркальце-ль въ вершокъ?
Не увидишь въ немъ глазокъ...
Вотъ стоятъ тамъ—зеркалища,
Какъ саженный мужичища,
Да и тѣ мнѣ — наплевать!
Ну, ужь стоило орать, —
Величать—какъ будто диво —
Зеркалишечко паршиво».
—» Э! царевичъ посмотри!
Диво въ зеркальце—внутри.
Какъ въ него глазкомъ ты взглянешь,
Да милыхъ кого вспомянешь,
Въ эвтомъ зеркальце какъ разъ,
Ихъ увидишъ тотъ же часъ!»
Петръ царевичъ ухватился,
Такъ вотъ въ зеркальце и впился,
И кричитъ: «мое! не дамъ!
Я Наташу вижу тамъ.
Вонъ она—моя родная,

Разкрасавица какая,
Въ душегрѣйкѣ парчевой,
Сарафанчикъ голубой.
Точно, точно какъ живая,
Развеселая какая!
Хороводъ она ведетъ,
Бѣлымъ лебедемъ плыветъ.
На, мой мечъ, бери скорѣе,
Да отстегивай живѣе.
Эвто зеркальце за мной.
Не могу, хочу домой!...
На, алтынъ тебѣ на водку,
Да пойдемъ землякъ на лодку;
Отвези меня быстрѣй
До лошадушки моей».
Сѣли въ лодку покатились,
И у берега простились;
Петръ царевичъ вновь путемъ
Ѣдетъ ночью, ѣдетъ днемъ.

—

ГЛАВА IV.

И Андрей своей дорогой,
На лошадкѣ рѣзвоногой,
Отъ поляны зеленой
Скачетъ быстрою стрѣлой.
Путь подъ горку все идетъ,
Небо къ верху все плыветъ.

Ѣдетъ, ѣдетъ, ниже, ниже,
Къ морю синему все ближе;
Слышенъ гулъ издалека.
Подгоняючи конька,
Вотъ царевичъ подъѣзжаетъ;
Море злобно завываетъ,
Въ берега крутые бьетъ;
Видитъ онъ корабль идетъ
Со бѣлыми парусами,
Съ золотыми — со кормами,
Въ пушки мѣдныя палитъ.....
Съ всѣхъ сторонъ народъ валитъ,
Къ кораблю тому толпами,
Кто съ котомкой, кто съ узлами.
Соскочилъ съ коня Андрей,
Къ кораблю бѣжитъ скорѣй.
Вотъ ужъ лѣсенку спускаютъ,
На корабль всѣхъ приглашаютъ.
Толкъ Андрюша всѣхъ въ бока,
Задалъ важныхъ три прыжка,
За веревки ухватился
И на суднѣ очутился.
Повернулъ корабль и вспять,
Поплылъ по морю опять.
Хлещутъ волны удалыя,
Рвутся парусы бѣлые;
Понакренившись бочкомъ,
Въ волны врѣзавшись носкомъ,
Все корабль плыветъ, плыветъ,
Въ даль туманную идетъ.
Все что дальше, то страшнѣе,
Все что дальше, то темнѣе,

Волны ходятъ ходуномъ,
Имъ корабликъ ни почемъ.
То подкинутъ, будто щепку,
То покатятъ, словно рѣпку,
То поставятъ вдругъ дыбкомъ,
То положатъ вдругъ бочкомъ.
И въ поминѣ нѣтъ землицы,
Только шнырятъ чайки-птицы,
Да тьма тьмущая тюленей.
Тутъ царевичъ, со страстей,
Въ уголочкѣ притаился,
Въ шепотокъ себѣ молился,
Крестъ стянулъ на узелокъ
И прищуривши глазокъ,
Въ море смотритъ дни и ночи.....
Вдругъ, мелькнуло что-то въ очи,
Будто берегъ забѣлѣлъ.
Тутъ Андрюша обомлѣлъ.
Видитъ: съ моря—со бурнаго,
Круто острова большаго,
Выступаютъ берега.
Стихла бурюшка — блага.
Волны ниже все, да ниже,
А корабль все ближе, ближе; —
И царевичъ тутъ Андрей,
Изъ лазейки изъ своей,
Поскорѣе вылезаетъ,
Всѣхъ цалуетъ, обнимаетъ,
Пляшетъ, ровно дурачекъ,
Подпершися подъ бочекъ.
Кажетъ на берегъ руками
И толкуетъ всѣмъ словами:

«Эво! эво, берегъ тамъ!»
А они ему: «гамъ! гамъ!»
Не добьется онъ и слова.
Вотъ ужь съ острова большаго,
Быстры лодочки спѣшатъ,
Ровно чаячки летятъ.
Вотъ и лѣсенку спустили,
Всѣ на лодку поспѣшили.
Всѣхъ царевичъ разтолкалъ,
Въ лодку кубаремъ упалъ.
Всталъ, немного почесался,
На корму первой забрался.
Вотъ ужь лодочка полна,
По волнамъ скользитъ она,
Вотъ, и къ острову пристала,
Скачетъ всякій, какъ попало,
А царевичъ тутъ, Андрей
Лезетъ на берегъ скорѣй.
Тамъ его вдругъ подхватили,
На лошадку посадили.
Лошаденка, вся въ вершокъ,
Покатилась какъ клубокъ.
Только домики рябѣютъ,
Да луга гдѣ зеленѣютъ.
Все что дальше, то темнѣй,
Все что дальше, то сырѣй.
И царевичъ все чихаетъ,
Носъ платочкомъ утираетъ....
Вотъ и городъ ужь большой,
«Тпрр!» кричатъ: «царевичъ стой»!
А конекъ куда—те, бьется;
Дальше, дальше все несется.

Все скакалъ, скакалъ, скакалъ,
Да какъ вкопанный и сталъ,
Между лавокъ и народа,
Гдѣ ни выходу, ни входа,
А царевичъ отъ толчка
Задалъ въ землю рѣзака.
Отуманило маленько
И головушкѣ больненько.
«Ну, до свадьбы заживетъ,
Экой дьяволъ, какъ несетъ.
И куды онъ лѣшій дѣлся?»
Всталъ Андрюша оглядѣлся:
«Вишъ чертенокъ улетѣлъ
Шею-бъ я ему нагрѣлъ.
Вотъ кругомъ стоятъ палаты,
Высочайши, пребогаты;
Лавки разныя рядкомъ,
Понабитыя биткомъ
Богатѣющимъ товаромъ.
Злато въ нихъ сіяетъ жаромъ,
Ситцы пестрые висятъ,
Ружья свѣтлыя блестятъ.
Разстланы ковры цвѣтные
И полотна дорогіе.
Лавки полныя тутъ ржи,
Остры, кованы ножи
И канаты завитые,
Свиньи жирны, упитыя,
Разны сдобны пироги,
Башмаки и сапоги.
Разна мѣдная посуда,
Расписныя всяки блюда.

А народъ-то все снуетъ,
Покупаетъ, продаетъ.
Все народъ не коренастый,
Рыжій, больно головастый;
На лицо и былъ-бы бѣлъ,
Да ужь больно закоптѣлъ.
Вотъ Андрюша ходитъ, бродитъ,
Съ лавокъ глазынекъ не сводитъ,
Диво ищетъ, не найдетъ,
Индо зло его беретъ.
«Все хитро тутъ, все красиво,
Все-жь оно еще не диво,
Чтобы слухомъ не слыхать.
«Гдѣ-бъ такое мнѣ сыскать?
Чтобы въ цѣломъ, бѣломъ свѣтѣ
Не бывало на примѣтѣ.»
Самъ себѣ онъ говоритъ.
Видитъ вдругъ мужикъ бѣжитъ,
Съ русской, круглой бородою.
Коренастъ, здоровъ собою.
Русскій вздѣтъ на немъ армякъ;
Пестрый, шелковый кушакъ,
Шляпа съ пряжкой пуховая,
Да рубашка шелковая.
На плечѣ коверъ виситъ,
Мужичекъ тотъ голоситъ
Чисто русскими словами,
Да толкается локтями:
«Чудо, диво есть у насъ,
Покупатели, про васъ;
Продаемъ мы по завѣту,
Продаемъ не за монету,

А за мечъ — за кладенецъ,
Купитъ кто, тотъ молодецъ». —
Тутъ царевичъ затолкался,
Радъ что русской-то попался
На сторонкѣ, на чужой,
Крикнулъ онъ: «землякъ, постой!
Я, родной, здѣсь покупаю,
Диво видѣть я желаю.
Подойди ко мнѣ скорѣй». —
Закричалъ ему Андрей.
Ну нашелъ голубчикъ диво,
Больно, больно ужь красиво!
Вишь какой таскаешъ прахъ,
Съ низу до верху въ дырахъ.
Вонъ ковры, такъ заглядѣнье!
Ихъ купить — мое почтенье...
Да и ихъ я не хочу;
Диво, слышъ-ты, я ищу.
Ты надуть-то не старайся,
Ну, иди, не проѣдайся».
Мужику Андрей сказалъ
И дорогу продолжалъ.
А мужикъ все ногу — въ ногу:
«Эй купи, честной, ей Богу,
Хоть старенекъ мой коверъ,
Но летать за то храберъ...
По велѣнью онъ летаетъ,
Кто куда не пожелаетъ.
Тутъ царевичъ съ горяча,
Потащилъ коверъ съ плеча
И кричитъ: «подай, подай!
Полетать на немъ мнѣ дай!»...

Вотъ коверъ поразостлали,
Сѣли, ноги подобрали,
И летятъ съ земли долой,
Быстрой ласточкой, живой.
Поравнялись съ облаками,
Разтолкали ихъ ногами,
Солнце ясное потомъ,
Три разочка все кругомъ
Облетѣли, поглядѣли
И на землю вновь слетѣли.
«Не совралъ ты мой отецъ;
На, бери же кладенецъ.
Я домой не опоздаю,
Семъ-ко здѣсь я полетаю;
Надо все мнѣ посмотрѣть,
И на телку поглядѣть.
Слышъ, она толста-добре»...
Сѣлъ комочкомъ на коврѣ,
Ужь леталъ-же онъ, леталъ
И чего-то не видалъ:
Видѣлъ онъ сады большіе,
Дѣтки ходятъ въ нихъ нагіе.
Много видѣлъ онъ свиней,
Все одна другой жирней.
Видѣлъ пестрыхъ, полосатыхъ,
Видѣлъ курочекъ хохлатыхъ,
Видѣлъ черныхъ лебедей,
Утокъ разныхъ и гусей,
Всѣ они у нихъ несутся,
Только съ дѣтками не бьются,
Телкой то запрещено;
Трудно видишь имъ оно.

Знай по садику гуляютъ.
Люди все за нихъ справляютъ:
И на яицахъ сидятъ,
И выводятъ имъ цыплятъ.
Видѣлъ мишеньку роднаго,
Пребольшущаго-большаго.
Видѣлъ телка гдѣ сидитъ,
Широбокая на видъ.
Какъ ее всѣ уважаютъ,
Какъ задкомъ всѣ отступаютъ.
Долго-бъ тамъ Андрей леталъ,
Только больно заскучалъ:
Что-то Ваня? Что Петруша?»
Молвилъ жалостно Андрюша.
Какъ я видѣть ихъ хочу,
Сяду я, да улечу.
Сѣлъ на коврикъ, поприжался,
По за облачко поднялся, —
И къ полянѣ зеленой
Опустился внизъ стрѣлой.

—

ГЛАВА V.

Въ это время братъ Ванюша,
Какъ Андрей и какъ Петруша,
Со поляны зеленой,
На кобылкѣ удалой,
Дни и ноченьки все мчался,

Степью, лѣсомъ пробирался,
Рѣки вплавь переплывалъ;
Наконецъ и доскакалъ
До большой стѣны зубчатой,
Гдѣ сидитъ тотъ змѣй крылатый.
Вотъ подъѣхалъ: ровъ широкій,
Глубочайшій, преглубокій,
Вкругъ стѣны обходъ идетъ,
Царство змѣя бережетъ.
Видитъ Ваня: «Ахъ ты Боже!
Да на што-жь это похоже?
Въ этомъ рвѣ-то, во широкомъ,
Въ этомъ рвѣ-то, во глубокомъ,
Мертвы старцы всѣ лежатъ
И тьма тьмущая ребятъ!
Смотритъ Ваня, ужаснувшись,
Индо лысочка рванувшись,
Уши къ верху подняла:
«Эки страшныя дѣла;
Какъ теперь туда поѣду!
Тамъ пощады нѣту дѣду,
Губятъ малое дитя;—
Чай искрошатъ тамъ меня;
Сгубятъ дни мои младые
Эвти изверги лихіе.
Семъ — поѣду на авось,
Вѣдь авосю — братъ небось»...
Вотъ на мостикъ онъ въѣзжаетъ,
Стража тамъ его встрѣчаетъ;
Нестрашна она на видъ,
Что-то пальцами вертитъ,
Хохолочкомъ все киваетъ,

Безпрерывно присѣдаетъ,
Спину гнетъ въ круту дугу,
Хоть бы слово — ни гугу.
«Знать пришелъ я имъ по нраву,
Вишь какъ приняли, на славу,
Угодить я имъ хочу,
Дай-ко пальцемъ поверчу».
Повертѣлъ, глядитъ Ванюша,
Вдругъ молчаніе наруша,
Ворота визжатъ, скрыпятъ,
Ровно что-то говорятъ:
Растворились на распашку,
Цвѣтописную бумажку
Стража Ванѣ подаетъ;
Ваня рученькой беретъ.
Скинулъ шапку, поклонился
И на лысочкѣ пустился,
Въ растворенны ворота.
Въѣхалъ: давка, тѣснота;
Все на улицѣ творится:
И печется, и варится,
Тутъ и платья, сидя шьютъ,
Тутъ виновныхъ тростью бьютъ,
Вышиваютъ тутъ шелками,
Хитро пишутъ тростниками,
Учатъ малыхъ тутъ ребятъ,
И гуляютъ тутъ, и спятъ.
А народу-то стеченье,
Просто — что столпотвореьне,
Ужь кого, кого тутъ нѣтъ,
Весь, кажись, тутъ вписанъ свѣтъ.
Слѣзъ Иванъ царевичъ съ лыски,

Видитъ лавочки тутъ близки;
Началъ онъ вкругъ нихъ ходить, —
«Чтобъ мнѣ, думаетъ, купить?»
Видитъ платья дорогія,
Всѣ узоромъ разшивныя,
Видитъ: шапки, колпаки,
Разноцвѣтные шелки,
Видитъ страшныхъ птицъ пернатыхъ,
Красныхъ, желтыхъ, бородатыхъ,
Видитъ птичьи языки,
Лакомъ крыты сундуки,
Видитъ разны рукодѣлья,
Хитро точены точенья,
Изъ слоновой — изъ кости,
Ну вотъ глазъ не отвести.
«Все прекрасно, все красиво,
Все-жь оно еще не диво,
Чтобы слухомъ не слыхать,
Гдѣ-бъ такое мнѣ достать?»
Ходитъ Ваня, разсуждаетъ,
Все что видитъ, примѣчаетъ,
Чудно пальцами вертитъ
И съ купцами говоритъ.
И купцы все понимаютъ,
Что ни спроситъ, отвѣчаютъ,
Все киваютъ хохолкомъ,
Клюютъ Ванюшку носкомъ,
Проситъ Ваня, нѣтъ-ли дива,
Чтобы было такъ красиво,
Помрачительно уму,
Непонятно никому,
Чтобъ такого въ цѣломъ свѣтѣ,

Небывало на примѣтѣ?
А купцы ему въ отвѣтъ,
Вертятъ пальцами—де нѣтъ!
«Э, чтобъ васъ.... сказалъ Ванюша;
Вдругъ молчаніе наруша,
Обругать-то обругалъ
И кулакъ имъ показалъ.
А они все присѣдаютъ,
Хохолками все махаютъ,
Не боятся кулака:
«Ну и дамъ я тумака,
Не поможетъ, толку мало»....
Горе Ванюшку тутъ взяло;
Сѣлъ онъ грустно въ уголокъ,
Подпершись подъ локотокъ.
Вдругъ онъ видитъ пыль несется,
Слышитъ пѣсня раздается
И на палочкѣ верхомъ,
Изъ пыли бочкомъ, бочкомъ,—
Выѣзжаетъ старикашка;
Волочитъ на немъ рубашка,
Бубенцы на колпакѣ,
Держитъ яблочко въ рукѣ,
Скачетъ онъ и погоняетъ,
Звонко пѣсни запѣваетъ,
Чисто рускимъ языкомъ,
Потрясая колпакомъ:
«Скачетъ Ѳомка въ колпакѣ,
На быстромъ-ли на конькѣ,
Ѳомка, Ѳомушка дуракъ,
Вздѣтъ за то на немъ колпакъ.
Колокольчики звените,

Чудо, диво повѣстите,
Ѣдетъ Ѳомка на базаръ,
Продаетъ онъ свой товаръ.
Не всѣму бѣлому свѣту,
Продаетъ онъ по завѣту;
Не за злато — злата жаръ,
Не таковъ Ѳомы товаръ;
Не пекли его, не шили,
Не варили, не точили,
Не отдастъ Ѳома купецъ
И за мечъ — за кладенецъ!...
Видитъ Ваня: юродивый;
Ваня былъ прежалостливый:
«Съ дуру бѣдненькій все вретъ;
Просто яблочко везетъ,
А кричитъ — какъ будто диво».
Молвилъ Ваня не спѣсиво:
«Юродивыхъ я люблю,
Дай-ко яблочко куплю;
Не продастъ онъ вѣкъ бѣдняга.
Эй сюда, сюда сердяга!»,—
Ваня дѣду закричалъ
И платочкомъ замахалъ.
Пыль ногами поднимая,
Ванѣ, яблочко давая,
Молвилъ дѣдъ: «Ахъ ты душа,
Больно, больно хороша.....
На, бери скорѣе диво!
Какъ искалъ!—оно красиво,
Помрачительно уму,
Непонятно никому—
И такого въ бѣломъ свѣтѣ

Не бывало на примѣтѣ.
Эвто яблочко — больной,
Будь расхворый, прехилой,
Будь въ страшнѣющей проказѣ,
Аль въ другой какой заразѣ,—
Хоть единой разъ нюхнетъ,
Тотчасъ три раза чихнетъ;
И вся хворь — какъ не бывала,
Болѣсть всю рукою сняло.
Кладъ вишь яблочко мое;
На, возьми, оно твое!
И не очень дорогою
Продаю его цѣною:
У царевича, съ виска,
За златыхъ три волоска».
«Мѣлешъ ты—пойдемъ къ больному,
Къ распрехворому, хилому,—
Вонъ подъ деревомъ лежитъ».
Ваня дѣду говоритъ.
Вотъ пошли они къ больному,
Къ распрехворому, хилому;
Дали яблочко нюхнуть,—
Видятъ: хочетъ онъ чихнуть....
Покраснѣлъ весь, понадулся,
Раза два позатянулся,
Да какъ прыснулъ вдругъ, чихнулъ.....
И на ноженки вспрыгнулъ.
Видя это чудо диво,
Самъ царевичъ торопливо
Вырвалъ живо изъ виска,
Три златые волоска.
«На, бери, бери скорѣе!

Всѣхъ ты Ѳомушка умнѣе
Въ эвтой глупой сторонѣ
Диво — яблочко вѣдь мнѣ
Подаритъ красу дѣвицу,
Бѣлоруку, бѣлолицу,
Свѣтъ Наташеньку мою.
Я за милость — за твою,
Напою тебя травою,
Разпревкусною такою,
Что коль разъ ее попьешь
Устъ потомъ не отвѣдешъ».
Молвилъ Ванюшка такъ дѣду.
«Нѣтъ, спасибо, я поѣду!
Небольшая я крома».
Отвѣчалъ ему Ѳома.
Съ Ваней Ѳомушка простился
И опять себѣ пустился
Въ путь дороженьку бочкомъ,
На дубиночкѣ верхомъ,
Пыль ногами подметая,
Тихо пѣсню запѣвая:
Ѣдетъ Ѳомушка домой,
Въ край родимый, дорогой;
Ѣдетъ Ѳомушка къ царевнѣ,
Разпрекрасной королевнѣ.
Ѳомка, Ѳомушка дуракъ
Непустой везетъ колпакъ;
Не забылъ Ѳома завѣта,
Онъ везетъ со края свѣта
Ей златыхъ три волоска,
У царевича съ виска».
Дурачекъ за далью скрылся,

А царевичъ все дивился
На диковинны дѣла.
«Ну была ужь — не была,
Хоть одинъ повеселюся,
Травки въ волюшку напьюся»....
Вновь вернулся онъ къ купцамъ,
Сѣлъ на лавочку и самъ—
Вертитъ пальцами, киваетъ,
Травку значитъ покупаетъ.
Ну купцы траву варить,
Да царевича поить.
Ужь онъ пилъ же ее, пилъ....
Чистаганамъ заплатилъ;
Поклонился въ поясъ низко,
Вышелъ вонъ и видитъ — лыско!
«Вишь за мной приволокло!»
Молвилъ Ваня, прыгъ въ сѣдло;
Понадъ гривой наклонился....
И за далью синей скрылся.
И къ полянѣ зеленой
Мчится прежнею стезей.
Мало-ль, долго-ль братцы мчались,
Наконецъ и повстрѣчались
На полянѣ зеленой,
Сѣли тѣсной круговой.
Нутка хвастать, что достали,
Всѣ диковинки казали.....
Какъ до зеркальца дошло,
По рукамъ оно пошло:
«Что вертишъ-то братъ Андрюша?
Не смысля глядишь Ванюша!
Диво въ зеркальцѣ внутри,

Не спроста въ него смотри:
Надо милаго, роднаго,
Или сердцу дорогаго
Прежде мыслью помянуть,
А потомъ глазкомъ взглянуть!
Такъ всѣ сердцу дорогіе
И повыйдутъ какъ живые».....
Такъ Петруша имъ сказалъ.
Ваня зеркальце тутъ взялъ:
«Вотъ поди ты догадайся....
Ну! скорѣе же являйся,
Свѣтъ Наташенька моя,
Дай взглянуть мнѣ на тебя»...
Молвилъ Ваня, — и глазами,
И обѣими руками,
Въ ясно зеркальце впился;—
Вдругъ и духъ въ немъ занялся.....
Смотритъ: въ зеркальце выходитъ,
Ближе, ближе все подходитъ
Шитый, бѣлый положокъ,—
И подъ нимъ, какъ голубокъ,
На кроваткѣ — на дубовой,
На перинкѣ — на пуховой,
Свѣтъ Наташинька лежитъ
И очами не глядитъ.
Губки алы — посинѣли
Щечки алы — помертвѣли.
Подъ сорочкой разшивной,
Грудка бѣлою-волной
Ходитъ тяжко, воздыхаетъ...
Мама въ ноженькахъ рыдаетъ,
Въ головахъ самъ царь-отецъ

Рветъ съ главы златой вѣнецъ,
Бѣлы рученьки ломаетъ...
«Свѣтъ Наташа умираетъ!...
Ваня вымолвить лишь могъ.....
Перервался голосокъ.
Братцы взвыли какъ бѣлуга,
Повалились другъ на друга,
Голосить — ну, причитать,
Свѣтъ Наташу поминать:
«Ахъ красна, красна дѣвица!
Наша названна сестрица!
Радость нашихъ ты очей!
Ты — безсонница ночей...
Не увидимъ мы — другую,
Голубицу молодую,
Не увидимъ мы красы,
Черной-ноченьки—косы...
Не увидимъ щечекъ красныхъ,
Не увидимъ глазокъ ясныхъ,
Не увидимъ лебедь — грудь!
Хоть разокъ-бы, да взглянуть...
На кого насъ покидаешъ?
На кого насъ оставляешъ?
Слезы горькія уйми,
Насъ подъ крылышко возьми!».
Долго-бъ братцы такъ провыли,
Долго-бъ такъ проголосили,
Еслибъ яблочко изъ рукъ
Не повыскользнуло вдругъ
У царевича Ванюши.
Вспомнилъ онъ... кричитъ Андрюшѣ:
«Разстилай свой самолетъ!

Эвто яблочко спасетъ
Нашу милую сестрицу;
Полетимъ скорѣй въ свѣтлицу!
Хоть разокъ она нюхнетъ,
Болѣсть тотъ-часъ отойдетъ»...
И за словомъ — дѣло стало;
Слезъ у всѣхъ — какъ не бываво;
Всѣ царевичи втроемъ
Завозилися съ ковромъ.
Вмигъ его поразостлали,
Сѣли, ноги подобрали;
Загадали, поднялись,
Въ небѣ ясномъ понеслись
Буйныхъ вѣтровъ удалѣе,
Рѣзвой ласточки быстрѣе,
Шибче стрѣлки каленой,
Прытче думы молодой.
На сторонку — на родную
И на крышку золотую
Легче пуха, мотылька,
Опустились свысока.

—

ГЛАВА VI.

Вотъ въ окошко слуховое,
Братъ за братомъ, влезли трое;
Въ теремъ дѣвичій идутъ
И диковинки несутъ.

Торопливо братцы входятъ,
А Наташа ужь отходитъ.
На лицѣ лежитъ платокъ,
А на грудкѣ образокъ...
Ваня бросился рыдая
И платочекъ съ глазъ срывая,
Далъ ей яблочко нюхнуть;
Смотрятъ, смотрятъ... вдругъ чихнуть
Собирается больная;
Щуря глазки и моргая,
Затянулась разъ, другой,
Поприкрылася рукой,
Брови черныя согнулись,
Слезки въ глазкахъ навернулись, —
И пошла чихать, чихать....
Ваня здравія желать
Дорогой своей сестрицѣ.
Одурѣли всѣ въ свѣтлицѣ,
Рты разинули, глядятъ,
Слышно — мухи какъ летятъ.
Прочихалася Наташа, —
Цвѣта маковаго краше
Улыбается, встаетъ,
Къ царю — батюшкѣ идетъ...
Позабывши болѣсть злую
И въ бородушку сѣдую,
Ничего не говоря,
Звонко чмокнула царя —
Какъ то всякой день бывало,
Будто вовсе не хворала.
Тутъ царевичи втроемъ
Пали ницъ передъ царемъ

Все ему растолковали,
Всѣ три дива подавали.
Просвѣтлѣлъ тутъ царь-отецъ,
Понялъ дѣло наконецъ.
Стали всѣ тутъ обниматься,
Ну другъ съ другомъ цѣловаться, —
Ровно день пришелъ Христовъ.
Послѣ радостныхъ всѣхъ словъ,
Вновь царевичи всѣ трое
Не даютъ царю покоя;
Просятъ онъ чтобъ разсудилъ:
Кто Наташу заслужилъ?
Чья диковинка хитрѣе,
Раскрасивѣй, мудренѣе?
Вздѣвъ опять златой вѣнецъ,
Началъ думать царь-отецъ.
Брови бѣлыя согнувши,
Перстъ въ чело себѣ уткнувши.
Мало-ль думалъ али нѣтъ,
Далъ сынамъ такой отвѣтъ:
«Нѣтъ диковинки хитрѣе,
Раскрасивѣй, мудренѣе! —
Три диковинки ровны:
Одному изъ васъ жены
Дать нельзя мнѣ по пристрастью
Или такъ по самовластью.
Кабъ не зеркальце Петра,
Мало было бы добра;
Вы Наташи-бъ не видали
И про болѣсть не узнали.
Кабъ Андрюшинъ не коверъ,
Тамъ сидѣли-бъ до сихъ поръ.

И помога-бъ не поспѣла,
А Наташа-бъ улетѣла,
Прежде васъ, на небеса;
Смерти вѣдь не ждетъ коса!
Кабъ не яблочко Ивана,
Прилѣти какъ хочешь рано —
Помощь все не велика...»
Оглядѣвши свысока
Сына старшаго Петрушу,
И Андрея и Ванюшу,
Царь окончилъ съ этихъ словъ:
«Все помочь я вамъ готовъ,
Вы сынки мои родные.
Дамъ вамъ стрѣлки каленвыя,
Отправляйтеся на лугъ,
И стрѣляйте трое вдругъ;
Всѣ на гладкомъ, ровномъ валѣ;
Чья стрѣла лукнется дале,
Тотъ Наташинъ будетъ мужъ.
Всякъ изъ васъ, я знаю, дюжъ;—
Стало я не обижаю,
Ровнымъ счастьемъ одѣляю.
Ну, ступайте же стрѣлять,
Чтобъ судьбу свою узнать.»
Вышелъ царь на чисто поле,
Гдѣ должна рѣшаться доля
Трехъ любимыхъ сыновей;—
Роздалъ стрѣлки имъ скорѣй.
Зычно въ накры вдругъ забили,
Въ трубы, смуры затрубили;
Царь тутъ самъ, своей рукой,
Поднялъ знамя надъ главой.

Всѣ царевичи стрѣльнули,
Стрѣлки быстрыя мелькнули;
Весь народъ кричитъ: «ура!»
У царевича Петра,
Стрѣлка ближе всѣхъ упала;
У Андрея перепала,
На десятокъ саженей;
У Ванюши изъ очей,
Ровно кладъ, стрѣла пропала,
Ровно вовсе не летала.
Всѣ искали—не нашли;—
И въ палаты съ тѣмъ пошли.
Веселъ бодръ идетъ Андрюша,
Словно тѣнь идетъ Петруша,
Сзади всѣхъ идетъ Иванъ—
Индо въ глазынькахъ туманъ.
Чтобъ окончить всѣ мученья,
Чтобъ скорѣе дать рѣшенье,
Царь премудрый сѣлъ на тронъ
И сказалъ сынамъ такъ онъ:
«Ну, теперь даю рѣшенье,
Не свершая преступленья
И по совѣсти моей.
Дальше всѣхъ лукнулъ Андрей,
Близко выстрѣлилъ Андрюша,
Прогулялъ стрѣлу Ванюша.
Я того не приказалъ,
Чтобъ онъ въ солнушко попалъ...
А стрѣла его пропала,
Значитъ—въ ней и толку мало!».
Ссѣлъ тутъ съ трона мудрый царь,
Православный государь.

И сказалъ народу гордо:
«Я рѣшилъ и слово твердо;
Заслужилъ жену Андрей
Стрѣлкой быстрою своей.
Сиротинушку Наташу,
Дочку названную нашу,
Здѣсь предъ всѣмъ нашимъ дворомъ,
Нынѣ за сына беремъ
И царевной нарекаемъ,—
И въ ту силу посылаемъ,
Меньшій съ городы вѣнецъ;
Де—прислалъ ей царь отецъ.
Де — ей, волею моею,
Быть велѣлъ женой Андрею;
А дьякамъ велю, сейчасъ,
Написать о томъ указъ;
Чтобы царство все узнало,
Нарѣченныхъ поздравляло.
Чтобъ дьякъ руку приложилъ
И печать бы налѣпилъ.»
Царь сказалъ—и всѣ бояре
Засовались какъ въ угарѣ,
Царь имъ—каждому въ чередъ,
Царски милости даетъ.
И для бракосочетанья,
Отдаетъ всѣмъ приказанья:
«Изготовили чтобъ пиръ,
Что на весь крещеный міръ.
Чтобъ пекли бы караваи—
Ростомъ выше бабы-сваи;
Чтобъ къ торжественному дню,
Заводили бы квашню,

Соболями чтобъ прикрыли,
Златомъ кованымъ обвили;
Чтобъ на тотъ великій пиръ
Затворожили бы сыръ.
Чтобъ пекли бы перепечи,
Чтобъ курей вертѣли въ печи;
Чтобы выкатить на свѣтъ
Фряжски вина на обѣдъ;
Чтобъ сахарныя сосули,
Какъ обманомъ не надули,
Чтобы были въ пуда три,
Всѣ сплошныя и внутри.
Чтобы лебедя отлили;
Перья краской разводили,
Чтобъ онъ былъ изъ леденцовъ,
Вѣсомъ—ровно въ пять пудовъ.
Чтобъ сѣнникъ бы протопили,
Полъ ковромъ околотили;
Чтобъ въ постелюшку, въ основъ,
Клали тридевять сноповъ;
Чтобы были всѣ ржаные,
Да зерномъ всѣ налитые;
А на нихъ класть семь перинъ—
Какъ велитъ то царскій чинъ.
Въ ноги шубу, покрывало
Парчевое чтобъ лежало,
На собольемъ на мѣху;
А на самомъ—на верху,
Класть сголовій всѣхъ: камчатныхъ,
Красныхъ бархатныхъ атласныхъ,
Счетомъ—девять подъ главу.
Вотъ и всё... Всѣхъ васъ зову

Я, на бракосочетанье!»
Кончилъ царь такъ приказанье.
И пошла у всѣхъ возня
До назначеннаго дня.
Въ эвтотъ день, на верхъ—въ свѣтлицу,
Одѣвать къ вѣнцу дѣвицу,
Съ ранней утренней зари,
Забралися свахи три;
Да дѣвицы всѣ сѣнныя,
Да боярыни младыя.
Всѣ къ царевнѣ молодой
Подошли онѣ толпой,
Вздѣли платья съ городами,
Шиты камнемъ, жемчугами;—
И на сорокъ соболей
Поприсѣсть велѣли ей.
Сваха косу распустила,
На головку возложила
Меньшій съ городы вѣнецъ,
Что прислалъ ей царь-отецъ.
Понакинувъ покрывало,
Сваха съ мѣста поднимала,
И волнуяся волной,
Въ теремъ царскій золотой,
Всѣ съ невѣстой повалили,
За шитъ-браный столъ садили.
Сына съ дочкой царь-отецъ
Отпустилъ самъ подъ вѣнецъ.
Въ храмѣ только обвѣнчали,
Вновь царевну свахи взяли,—
И на сорокъ соболей
Поприсѣсть велѣли ей.

Сваха первая снимала
Съ головы ей покрывало,
А другая златъ вѣнецъ,
Что прислалъ ей царь-отецъ.
Сваха третія держала,
Въ блюдѣ, тутъ, же осыпало;
Мису съ медомъ дьякъ держалъ,
Свахѣ первой подавалъ.
Сваха первая чесала,
Гребешекъ все въ медъ макала
И царевнины власы,
Заплела на двѣ косы.
Вздѣла кику парчевую,
Жемчугомъ всю улитую,
А по кикѣ златъ вѣнецъ, —
И дѣвичеству конецъ.
Покрываломъ поукрыла,
И убрусецъ возложила
Ей на маковку потомъ —
Шитъ дробницей, жемчугомъ.
Вновь царевну поднимали,
Осыпаломъ осыпали, —
И царевичъ тутъ Андрей
Подошелъ къ женѣ своей.
И повелъ свою царевну
Ровно паву, королевну,
По червчатому сукну,
Взявъ за рученку одну.
До палатъ отца роднаго,
Государя дорогова.
Чинъ весь царской впереди,
А народъ весь позади.

Трубы смуры имъ трубили;
Накры звонко, звонко, били;
Царь-отецъ, со всѣмъ дворомъ,
Встрѣтилъ доченьку съ сынкомъ, —
И въ чертожномъ свѣтломъ мѣстѣ,
Приказалъ имъ рядомъ сѣсти.
Начался тутъ царской пиръ,
Что на весь крещеный міръ.
Гости вкусно пили, ѣли,
Молодые лишь глядѣли.
Подгулявъ тутъ царь-старикъ
Молодыхъ услалъ въ сѣнникъ.
Въ эвто самое-то-время,
Не стерпѣвъ злощастья бремя,
Не отдавъ отцу поклонъ,
Петръ съ Иваномъ вышли вонъ.
За вороты — и пропали; —
Какъ ихъ въ царствѣ не искали,
Не нашли съ конца въ конецъ.
Рвется плачетъ царь-отецъ,
Изнывая злой тоскою;
Бьется въ стѣну головою. —
Вотъ того гляди — ударъ...
Кличетъ онъ къ себѣ бояръ.
И велитъ имъ всѣмъ скакать:
Въ мигъ колдунью отыскать!
Чтобъ все вѣдала, все знала,
Чтобы на воду гадала,
Хоть и вѣдьма, и съ хвостомъ; —
Всё ему де не почемъ!
Вотъ, бояре поскакали;
Мало-ль, долго-ли искали

По горамъ и цо степямъ,
Подремучіимъ лѣсамъ.
Наконецъ нашли избушку,
А въ избушкѣ и старушку.
Съ длиннымъ носомъ, зубы — страсть,
Ротъ — звѣриная что пасть.
Съ виду злющая — презлая;
Пресогбенная, кривая;
Не съ большимъ аршинъ — весь ростъ,
А подъ платьемъ будто хвостъ.....
А боярамъ то и нада...
Да старуха-то не рада:
Начала ихъ всѣхъ ругать,
Изъ избушки прогонять.
«Занесло какимъ васъ слухомъ?!
Слышу, пахнетъ русскимъ духомъ.....
Вонъ! тотчасъ, аль всѣхъ поѣмъ».....
И притопнула за тѣмъ
Костяною въ полъ ногою,
Потрясая головою,
Скаля зубы словно волкъ.
Но бояре зная долгъ,
Въ силу — въ силу уломали;
Въ путь съ собой колдунью взяли,
Повезли ее къ дворцу,
Ко цареву — ко лицу.
Царь при ней поусмирился,
Толкомъ съ ней разговорился;
Все повѣдалъ горе ей
Про пропажу сыновей.
Тутъ колдунья покачала
Головой и приказала,

Чтобъ во царскихъ — во садахъ,
Двѣ росинки на листкахъ,
Отыскать скорѣй — какъ можно
И принесть ей осторожно. —
Царь поддакнулъ тотъ приказъ,—
И явился — какъ разъ
Двѣ студеныя росинки —
Ровно крупныя слезинки,
На бузинныхъ — на листкахъ,
У бояръ-у двухъ въ рукахъ.
Тутъ колдунья понахмурясь,
Вся посморщась, да прищурясь,
Стала листъ одинъ вертѣть,
Въ росу свѣтлую глядѣть.
Что-то тихо все шептала,
Наконецъ царю сказала:
«Мало царь тебѣ добра
Отъ царевича Петра.
Потерявши — свѣтъ Наташу,
Онъ покинулъ землю вашу,
Чтобъ любовь въ себѣ убить,
Чтобы горе заглушить;
Позабыть чтобъ про дѣвицу,
Вздѣлъ онъ тяжку власяницу,
Сталъ скитальцемъ чернецомъ; —
И царевича ты въ немъ
Не увидишь, царь, отнынѣ!
Жизнь смиренную, въ пустынѣ,
Петръ отшельникомъ ведетъ;
Тамъ онъ тихо и умретъ.»
Царь тутъ очень огорчился
И слезами долго лился...

Въ это время листъ другой
Костяною взявъ рукой,
Старушенка все вертѣла,
Въ росу свѣтлую глядѣла.
А сама все: «шопъ, шопъ, шопъ»...
Вдругъ озлилась, объ полъ топъ
Костяной своей ногою;
Рветъ зубами листъ съ росою,
Посинѣла вся, дрожитъ;—
И царю такъ говоритъ,
Позабывъ всю важность сана:
«Не видала я Ивана;
Провалился онъ съ земли,
Черти видно унесли!..
Знать, моей по выше, сила
Отъ меня его укрыла,
Одурачила меня;—
Отомщу за это я!..
День придетъ—я такъ нагажу.....
Погоди старикъ, уважу!..»
Царь бы долженъ осерчать,
А изволитъ все молчать; —
Да того еще и мало,
Проситъ съ нимъ чтобъ проживала;
Чтобъ его не покидала,
Не равно случай какой —
Будетъ значитъ подъ рукой!..

—

ГЛАВА VII.

Старушенка отгадала —
Сила Ваню прикрывала,
Сила—выше многихъ силъ.
Вотъ случай какой съ нимъ былъ:
Полный горя и заботы,
Вышелъ Ваня за ворота;—
И, чтобъ горе поунять,
Сталъ стрѣлу свою искать.
Мысль покоя не давала:
Гдѣ стрѣла позапропала? —
«Не позволю—де трунить.....
Мужемъ мнѣ теперь не быть;
Пусть, по крайности, хоть знаю—
Изъ чего я такъ страдаю?
Хоть Наташу не верну —
Стрѣлку—тресну—да найду,
Коль на то моя есть воля!..»
Перешелъ дремучій боръ;
Нѣтъ дороги,—и въ упоръ
Лбомъ во что-то онъ уткнулся.
Взвизгнулъ Ваня, отшатнулся.....
Передъ нимъ утесъ стоитъ; —
Въ немъ стрѣла его торчитъ.
Позабывши боль презлую,
Ваня стрѣлку каленую,
Полонъ радости живой,
Ухватилъ тотчасъ рукой.
Какъ онъ только дотронулся,
Весь утесъ вдругъ содрогнулся

И откуда-ни взялась —
Дверь предъ Ваней отперлась.
Свѣтомъ обдало Ванюшу,
Полилася радость въ душу;
Какъ во тѣхъ то—во дверяхъ,
Ровно солнце въ небесахъ,
Улыбаяся, не гнѣвно
Показалась королевна.
Свѣтъ отъ ней — такъ и валитъ,
Всѣхъ вокругъ такъ и слѣпитъ.....
А краса, краса какая!....
Вся какъ стеклушко сквозная;
Такъ насквозь вотъ и гляди!..
Глазки стоятъ что одни...
Адаманты настоящи,
Пребольшущіе, блестящи.....
Волосъ чисто золотой,
Весь лучами разсыпной.
Грудь-гора, гора крутая,
Да пушиста-снѣговая...
Словомъ въ сказкѣ не сказать,
Ии перомъ не написать!
А одежа — удивленье!
Самоцвѣтные каменья,
Межь парчей и жемчуговъ
Такъ вотъ рядушкомъ рядкомъ;—
Да большіе все какіе!...
Что булыжники простые,
Тремъ, кажися, не въ подъемъ;
Королевнѣ жь не почемъ....
Увидавъ красу такую,
Свѣтъ-Наташу молодую —

Ваня тотчасъ позабылъ;—
Да и слюнки распустилъ.
Тихо, плавно приближаясь,
Королевна улыбаясь,
Близко къ Ванѣ подошла,
Рѣчь такую повела:
«Ну, царевичъ, благодарствуй;
За приходъ твой долго здравствуй!»—
И поклонъ тутъ отдала.
«Я тебя давно ждала...
Сей горы я королевна —
Афросинья Дорофевна...
Просимъ жаловать, любить
И чертогъ мой посѣтить.
Явствъ монхъ прошу откушать,
Гуслей, пѣсенокъ послушать.
Угощу—чѣмъ Богъ послалъ...
Ваня тутъ не устоялъ,
Подалъ руку королевнѣ,
Афросиньѣ Дорофевнѣ;
Въ свѣтлый съ ней пошелъ чертогъ.
Преступили лишь порогъ,
Сладки гусли раздалися,
Пѣсни въ душу полилися;
Ваня, какъ не ступитъ шагъ,
Все дивится—какъ дуракъ.
И смотрѣть на что—не знаетъ;
Диво, дивомъ погоняетъ.
Все разинувъ Ваня ротъ,
Съ королевною идетъ.
Силу видитъ онъ добра:
Сѣни всѣ изъ серебра,

А палата изъ сѣней —
Изъ молочныхъ янтарей;
А вторая-то палата,
Вся изъ чистаго—изъ злата:
Третья съ верху внизъ стѣной —
Красный яхонтъ дорогой;
А четвертая—сплошная
Въ изумрудѣ пробивная...
Все что дальше, то хитрѣй;
Все что дальше, мудренѣй.
Полъ вездѣ укрытъ коврами,
Такъ и тонешь въ нихъ ногами
Безъ окошекъ, безъ огня
Въ той горѣ свѣтлѣе дня.
И оно не удивленье,
Что такое освѣщенье,
Коль на всѣхъ, какъ есть, стѣнахъ
Ясно солнушко, въ лучахъ,
На златыхъ гвоздяхъ прибито,
Самоцвѣтнымъ камнемъ слито...
А на всѣхъ—на потолкахъ,
На серебряныхъ гвоздяхъ,
Ясный мѣсяцъ, со звѣздами,
Свѣтятъ бѣлыми лучами.
Все что дальше, то хитрѣй;
Все что дальше, мудренѣй.
Что ни шагъ—то чудо, диво.
Выступая горделиво
Изъ покоя, да въ покой,
Все держась рука съ рукой.
Распрекрасна королевна,
А Фросинья Дорофевна

По палатамъ все идетъ,
Гостя милаго ведетъ.
Наконецъ, кажись, въ тридцатой,
Столъ стоитъ накрытъ богатый;
Обойди-поди весь свѣтъ,
Явствъ такихъ нигдѣ и нѣтъ;—
Такъ и съѣлъ бы все глазами.
Между разными сластями
Тутъ и птичье молоко, —
Чай найти-то не легко!..
Надоенъ подойникъ цѣлой,
Да парное, съ пѣной бѣлой...
Ваня всталъ, остолбенѣлъ;
Очи вылупивъ, глядѣлъ,
А прекрасна королевна
Афросинья Дорофевна,
Ну-Ванюшеньку сажать,
Всѣмъ что было угощать.
Угощала, угощала,
Разны вины подливала,
Сидя съ Ваней о-бочекъ;
А царевичъ поясокъ
Распоясавъ для простора,
Кушалъ все, безъ разговора,
Не спускаючи очей
Со хозяюшки своей.
Королевна всё кормила,
Нѣжно сладко говорила:
«Кушай, кушай, милой мой;
Понатужься дорогой!..
Да, тебя давно я знала
И тоскуя поджидала....

Ты-жъ царевичъ, милый мой,
Знаю, плакалъ по другой.....
Знаю, ты любилъ Наташу;
Я разбила свадьбу вашу.....
И по волѣ ты моей
Необвѣнчанъ, Ваня, съ ней.
Я всё вѣдала, все знала,
Я всѣмъ дѣломъ заправляла:
Торбы ваши три съ овсомъ,
Я прорѣзала ножемъ...
Я на дѣда васъ наслала; —
Тѣмъ пути вамъ указала,
Чтобъ вы ѣхали туда
Захотѣла я, куда.....
Я-жь послала въ тѣ страны
Три диковинки равны...
Я стрѣлу перехватила...
И въ утесъ мой вколотила;
Знала я, искать пойдешъ,
Вмѣстѣ съ ней — меня найдешъ...
Знай! не только королевна,
Афросинья Дорофевна —
Чародѣйка пр̀едъ тобой!
Иль не вѣришъ, гость драгой?»
Королевна вдругъ сказала
И Ванюшѣ подавала —
Три златые волоска.
«А съ чьего эвто виска?
Посмотри-ка, золотые,
Круто, круто завитые!»
Волоски лишь Ваня взялъ,
Что есть силы закричалъ:

«Ай! мои три волосочка,
Изъ праваго — изъ височка!..»
— «Нѣтъ, царевичъ, не твои;
Ужь теперь они мои...
Я у мо́лодца купила,
Краснымъ яблочкомъ платила...
Что такъ смотришь на меня?
Иль понравилася я?
Иль хвалёной я Наташи
Выхожу теперь покраше,
Или всѣмъ предъ ней взяла?
Иль кажусь тебѣ мила?
Если такъ, то не скрывайся;
Жить со мною оставайся,
Будь мнѣ мужъ и господинъ;
Милъ ты въ свѣтѣ мнѣ одинъ!
Не скажи мнѣ:, нѣтъ», Ванюша; —
Счастье дѣвицы наруша,
Не покинь меня одну...»
«Королевна что ты! Ну...
Супротивъ такой лебедки,
Не годится и въ подмётки
Наташенка-то моя...
Не сравню съ тобою я.
Ты куда её красивѣй!
И полнѣй, и горделивѣй;
Всѣмъ — красой, умомъ взяла,
Больно по сердцу пришла;
Неразстанусь я съ тобою,
Знать нарѣчь тебя женою
Суждено мнѣ на роду....
Хоть погонишъ... не уйду!»

И на это королевна,
Афросинья Дорофевна
Хлопнувъ объ руку рукой,
Отвѣчала: «будь же мой...
Ну, пойдемъ скорѣй вѣнчаться;
Нече намъ тутъ проглажаться;
Всё готово для вѣнца,
Ждали только молодца...»

—

ГЛАВА VIII.

Свадьбу тутъ они сыграли;
Долго, долго пировали, —
Да и зажили потомъ
Во супружествѣ вдвоемъ,
Въ тихомъ счастьѣ утопая,
Дней счастливыхъ не считая.
Мало-ль, долго-ль жили такъ, —
Да попуталъ Ваню врагъ.
Сильно онъ затосковался,
И хоша онъ и скрывался
Отъ хозяюшки своей, —
И не плакалъ передъ ней—
Всё жь она о томъ узнала
И царевичу сказала:
«Что ты, Ваня дорогой,
Изнываешь злой тоской?
Али я не угодила?

Или мало я любила?
Недоволенъ что-ли мной?
Ты скажи мой дорогой!
Иль живемъ съ тобой не мирно?
Иль кормлю тебя не жирно?
Не сладки мои меда?
Въ чемъ же Ванюшка бѣда?
Что печально такъ-ты ходишъ,
Иль въ перинушкѣ не тонешъ?
Или платье не красно?
Иль въ горѣ у насъ темно?
Иль рабы не угодили?
Чѣмъ тебѣ подосадили?
Или я кажусь дурна?...»
Вдругъ промолвила она
И слезами залилася;
Индо грудка поднялася,
Оборвался голосокъ...
—«Что ты, что ты мой дружокъ;
Перестань такъ плакать, рваться;
Неизволь такъ обижаться;
Нѣтъ счастливѣе меня.....
Хорошо мнѣ у тебя.
Мы живемъ съ тобою мирно,
Ѣмъ я въ волюшку и жирно,
Сладокъ медъ твой дорогой;
На перинкѣ пуховой
Я безсонницы не знаю,
Съ головою утопаю;
Одѣяльца горячи,
Мнѣ теплѣй чѣмъ на печи.
Вся одёжа златомъ шита,

Кожухи изъ аксамита;
Чтутъ меня твои рабы;
Лучше нѣтъ моей судьбы!
И сама то ты какая,
Афросиньюшка родная!
Ты находка, не жена
Мнѣ отъ Господа дана.
Горячо меня ты любишъ,
Чешешъ кудри и голубишъ,
А собою-то, собой,
Не видалъ красы такой!
Словно писана рукою,
Краской разною, живою!
Такъ могу-ль, скажи, роптать
Иль тебя въ чемъ обвинять?
И почто растосковался,
И тебѣ не признавался,
Афросиньюшка моя,
Коли хошъ—признаюсь я:
Видѣть батюшку роднаго,
Государя дорогаго
Больно, больно бъ я хотѣлъ,—
Да, признаться, всё не смѣлъ.....
Чтобы ты не осерчала,
Въ эвтомъ мнѣ не отказала...»
—«Охъ, Ванюша, мой милóй,
Охъ сожитель дорогой;
Для тебя ни въ чемъ запрету
У меня кажися нѣту.
Ну, пожалуй, поѣзжай!
Только послѣ не пеняй...
Что-то къ сердцу мнѣ сдается,

Что безъ бѣдъ не обойдется;
Что поѣдешъ ты къ царю —
Ничего не говорю...
А у батюшки бояры...
И пойдутъ тутъ тары-бары:
Гдѣ живешъ? да у кого?
Такъ богатъ ты отчего?
Почему? да отъ чего бы?
Не уйдешъ людской ты злобы...
А вѣдь я не попущу,
Коли я тебя пущу,
Чтобы кое-какъ таскался,
Въ люди плохо показался;
Всѣмъ тряхну, разнаряжу;
Знай—де нашихъ—покажу!
Впрочемъ, нече опасаться;
Не умѣю я бояться...
Поѣзжай, Ванюша мой,
Не погибнешъ ты со мной;
Только батюшки родному,
Государю дорогому,
Коль придетъ у васъ къ рѣчи
Про чертогъ мой—промолчи!
Да не долго оставайся,
Безъ меня не проглажайся;
Я со скуки здѣсь помру...»
Ранымъ-рано по утру,
Разпрекрасна королевна,
Афросинья Дорофевна,
Вышла Ваню провожать,
Поѣздъ мужа отправлять;
Всѣхъ сама переглядѣла,

Быть чему и какъ—велѣла.
Первымъ дѣломъ — изъ горы
Понесли царю дары.
Потянулися бояре
Чинно, рядышкомъ, по парѣ,
На коняхъ все на лихихъ,
Два конюшіе при нихъ.
Платье все изъ аксамита,
Чернымъ соболемъ подбито;
Шапки лисьи на бекрень,
Лица свѣтлые, какъ день, —
И такая ихъ тамъ сила
Черезъ поле повалила,
Золотая что рѣка —
Широка и велика.
Ваня съ женкою прощался,
На лиха коня сажался;
Сталъ, какъ вкопанъ добрый конь,
Дышетъ, пышетъ какъ огонь.
На конѣ на томъ попона
Вся, какъ есть, раззолочена;
Камнемъ разнымъ, жемчугомъ
Поунизана кругомъ;
И какъ есть вся городами,
Поувѣшана кистями.
Еле держитъ конь младой
Ваню мощною спиной —
Индо ноги такъ и гнутся,
Да не можетъ спотыкнуться;
Шесть конюшихъ — молодцы
Держутъ крѣпко подъ уздцы.
Ѣдетъ онъ, народъ дивится

Въ ноги кубаремъ валится
И бѣжитъ весь ко дворцу,
Доложить царю-отцу,
Что царевичъ возвратился.
Царь чуть съ трона не свалился,
Разгорѣлся весь какъ жаръ,
Пооперся на бояръ;
Веселъ, радостенъ онъ снова;
Сына, Ванюшку драгова
На крыльцо бѣжитъ встрѣчать,
Чтобъ скорѣй его обнять.
Мало-ль, долго-ль цѣловались,
Долго-ль, мало-ль миловались;
Подносилъ Иванъ дары....
Наконецъ пошли пиры.
Ваня скоро повинился,
Что безъ спросу оженился
И молилъ онъ такъ царя
Задушевно говоря:
«Не серчай, отецъ родимый;
Отпусти къ женѣ любимой;
Безъ нее — я не жилецъ,
Ты взмилуйся царь-отецъ!
Буду я съ тобой видаться,
Каждый мѣсяцъ возвращаться;
Жить совсѣмъ здѣсь—не могу...»
Про чертогъ же ни гу-гу.
Какъ старикъ не ухитрялся—
И хмѣльной не проболтался.
Царь-то самъ бы ничего,
Да бояре на него
Какъ шмели всѣ понапали,

Цѣлымъ роемъ зажужжали.
Наущеньемъ сатаны,
Злобной зависти полны
Ко богачеству Ванюши,
Тихо шепчутъ въ царски уши:
«Не вели ты насъ казнить,
Ты вели намъ говорить:
За тебя намъ, царь, обидно;
Смотришь ты недальновидно,
Что ты радостенъ такъ сталъ,
Что сыночка увидалъ?
Ласковъ онъ съ тобой для виду,
Держитъ въ сердцѣ онъ обиду,
Что по милости твоей
Мужъ Наташенькинъ — Андрей.
Не съ добромъ отсель укрылся,
Не съ добромъ и воротился.
Хочетъ онъ тебѣ отмстить,
Царство наше сокрушить.
Съ нимъ бороться не подъ силу;
Угодишь ты царь въ могилу...
И сынокъ любимый твой
Съ жекной милой, молодой,
По своей эхидной волѣ,
Сядетъ княжить на престолѣ».
Разсердился мудрый царь
На ту ябедную тварь...
И за ложно показанье
Всѣмъ боярамъ въ наказанье—
Предъ царемъ, чтобъ лгать не смѣть,
Языкиве лѣлъ надѣть.
Послѣ царскаго рѣшенья

Получить чтобы прощенье,
Всѣ они, изъ подтишка,
Вѣдьму взяли за бока,
Зная царскую къ ней вѣру;
Чтобъ взяла такую мѣру,
Чтобъ царевича сгубить,
Милость царску воротить.
Тутъ колдунья вспоминая —
Какъ царю она гадая,
Ваню видѣть не могла,
Въ ярость страшную пришла:
«Я сказала, что уважу;
День пришелъ и я нагажу...»
И вертя своимъ хвостомъ,
Подъявилась предъ царемъ,
Будто добрая старушка...
И зловѣщая кукушка
Все куку, куку, куку...
Да и ляпни старику:
«Неизбѣгнешъ, царъ, могилы!...
У тебя на лбу двѣ жилы;
Прямо—толстая идетъ,
Снизу вверхъ она ползетъ,
А другая небольшая
Путь большой пересѣкая,
Поперегъ ее лежитъ—
Значитъ: будешь ты убитъ.
И убитъ меньшимъ, знай, въ родѣ...
Ну рѣшитко—на свободѣ,
Кто убійца тотъ меньшой?
Не Ванюшенька ли твой?...
Крѣпкій духомъ царь смутился,

Старой вѣдьмѣ возмолился:
Ай, спаси! спаси меня!
Умереть боюся я...
Отъ эхиднаго Ивана;
Умереть еще мнѣ рано;
Страшенъ мнѣ такой конецъ,
Вспомни, я его отецъ.
Пусть Ванюша удалится
И сюда не возвратится:
Какъ тамъ хочешь подведи;
Но смотри, не изводи!..
Хоть предъ мною сынъ виновенъ,
Мной рожденъ, единокровенъ,
И что разъ я даровалъ —
Никогда не отнималъ.»
Старушонка хоть и злилась,
Доброй снова притворилась
И сказала такъ царю:
«Я про смерть не говорю,
Я покой твой не нарушу—
Сохраню тебѣ Ванюшу,
Лишь тебя бы не убилъ,
И по мнѣ — пускай бы жилъ: —
Жизнь его мнѣ царь не нада;
Одному я буду рада,
Коль тебя я, царь, спасу.
Тяжкой грѣхъ не понесу,
Что всё вѣдала, все знала,
Отъ тебя, царь, укрывала.
Ты послушай, царь, меня;
Научу тебя любя:
Какъ придетъ Иванъ прощаться,

Чтобъ домой-то отправляться,
Ты проси, чтобъ отъ жены,
Ради дива, новизны,—
И ея къ тебѣ почтенья,
Въ знакъ любви и уваженья,
Для твоихъ для всѣхъ полковъ,
Онъ привезъ шатеръ таковъ,
Чтобъ всё войско въ немъ бы спало
И другъ друга не толкало,
И коль въ горсть шатеръ зажать,
Чтобъ его и не видать.»
— «Понимаю! понимаю!
Мысль твою теперь я знаю;
Дивный этотъ твой шатеръ —
Просто выдумка и вздоръ.
Гдѣ его Ванюшѣ взяться?
А съ пустышкой показаться
Стыдно будетъ на глаза;
И прошла моя гроза...
Ай, да баба! повершила,
Жизнь мою ты сохранила;
Больно, больно ты хитра, —
Попрошу ужо шатра...»

—

ГЛАВА IX.

Сталъ Ванюша собираться,
Царь изволилъ съ нимъ прощаться,
Цаловалъ и миловалъ,

Напослѣдокъ такъ сказалъ:
«Ты Ванюша мой дражайшій
Сталъ богачъ превеличайшій:
Побалуй же старика, —
Просьба есть не велика
У меня къ твоей супругѣ;
Распотѣшьте старость, други.
Часто я въ походъ хожу,
Войско ратное вожу
Съ супостатами сражаться,—
И приходится валяться
Ратнымъ людямъ на землѣ,
Подъ дождемъ въ туманной мглѣ.
Жаль, Ванюшинька, мнѣ ихъ —
Какъ родныхъ сыновъ моихъ.
Такъ въ ту самую мнѣ силу,
Попроси ты женку милу,
Для моихъ для всѣхъ полковъ
Мнѣ прислать шатеръ таковъ,
Чтобы войско все въ немъ спало,
И другъ друга не толкало,
А коль въ горсть шатеръ зажать,
Чтобъ его и не видать.
Докажи мнѣ тѣмъ почтенье
И любовь, и уваженье.
Сохраните мнѣ войска.
Просьба вѣдь не велика!..»
Въ ноги Ваня повалился
И царю такъ возмолился:
«Для тебя, отéцъ родной,
Я разстанусь съ головой;
А шатра просить такова,

Пребольшущаго — большаго,
Видитъ Богъ — я не могу;
Предъ тобой я, царь, не лгу;
Да, такихъ и не бываетъ!..»
Царь Ванюшѣ не внимаетъ
И кричитъ: «не разсуждай,
Безъ шатра не пріѣзжай!»
Скрывъ душевную тревогу,
Ваня ѣхалъ всю дорогу;
А какъ женку увидалъ,
Такъ навзрыдъ и зарыдалъ:
«Афросиньюша родная,
Королевна дорогая,
Непослушалъ я тебя,
Погубилъ совсѣмъ себя;
Просьбу батюшки роднаго
Государя дорогаго
Долженъ я тебѣ сказать,
Цѣликомъ всю передать;
На меня ты не сердися.»
— «Что ты, Ванюшка, уймися;
Ты не плачъ такъ, не рыдай,
Помогу, навѣрно знай!»
— «Нѣту, женушка драгая;
Просьба самая шальная.
Проситъ царь, для всѣхъ полковъ,
У тебя шатеръ таковъ,
Чтобъ все войско въ немъ бы спало
И другъ друга не толкало,
А коль въ горсть шатеръ зажать,
Чтобъ его и не видать!»
— «Только Ваня?! стоитъ рваться.....

Надо было обѣщаться!
Дамъ тебѣ шатеръ такой,
Мой Ванюша дорогой.
Эй! позвать мнѣ казначею —
Старушенку Палагею!
Эй! бѣгите всѣ за разъ,
Чтобъ бѣгла сюда сейчасъ!»
Закричала королевна,
Афросинья Дорофевна.
И минутка не прошла,
Старушенка прибрела.
«Здравствуй, здравствуй Палагея;
Въ сокровищницу скорѣе;
Сбѣгай лѣтомъ у меня.
Положила, помню я,
Тамъ на полкѣ—на двадцатой,
Отъ угла, кажися, пятой,
Изъ большихъ—большой шатеръ,
Шитый шелкомъ весь въ узоръ;
Принеси его скорѣе!
Да — бѣги же поживѣе!
Ты же соколъ мой, не плачъ
Отъ бездѣльныхъ неудачъ.»
Возвратилась казначея.
Смотритъ Ванюшка робѣя, —
Не несетъ шатра въ рукахъ;
Взялъ опять Ванюшу страхъ.
А прекрасна Дорофевна
Къ казначеѣ подошла;
Что-то въ горсточку взяла,
Въ кулачекъ свой позажала, —
И царевичу сказала:

«На, шатеръ, Ванюша мой!»
Ваня взялъ его рукой,
Видитъ — что-то не величко,
Ровно писано яичко.
Повертѣлъ онъ, повертѣлъ,
Разсердился, не стерпѣлъ,
Закричалъ женѣ онъ гнѣвно:
«Ну послушай, королевна,
Не моги меня такъ злить,
Надо мною такъ трунить!
Не изволь такъ издѣваться,
Передъ мужемъ забываться;
Не ровенъ со мною часъ,
Оттреплю тебя какъ-разъ,
Чтобъ ты шутокъ не играла,
Горе мужа уважала!
Отойди, жена, добромъ
Отъ меня съ твоимъ шатромъ!
Въ эвто писано яичко
Не укроется и птичка;
Развѣ муха съ комаромъ
Заползутъ въ него бочкомъ;
А не то—что рать царёва.
Дурака нашла какого...»
— «Что ты мѣлешъ, Ваня, вздоръ!
Войско все взойдетъ въ шатеръ.
Выйдемъ вмѣстѣ въ чисто поле,
Разобьемъ шатеръ на волѣ;
Самъ посмотришъ, поглядишъ;
Стыдно будетъ, что бранишъ
Ты дарма жену младую,
За бездѣлицу такую!»

Злится Ванюшка всё болѣ.
Королевна жь, въ чисто поле,
Въ силу Ванюшку ведетъ;
Въ кулачкѣ шатеръ несетъ.
Вышли вмѣстѣ на средину;
Посогнувъ немножко спину,
Королевна вдругъ шатромъ
Вверхъ лукнула—какъ мячемъ.
Смотритъ вслѣдъ Иванъ глазами;
Видитъ онъ: надъ головами,
Изъ яичка, въ тотъ же мигъ,
Развился шатеръ великъ;
Тихо на поле спустился,
Лугъ огромный весь укрылся
Тѣмъ диковиннымъ шатромъ.
Царско войско ни почемъ—
Станетъ въ немъ, безъ разговора;
И останется простора
Подъ шатромъ еще, внутри,
На такія войска три.
Стыдно стало тутъ Ванюшѣ:
«Надери мнѣ, Фрося, уши,
Что тебя я обижалъ!»
Ваня женушкѣ сказалъ.
Улыбаясь королевна
Афросинья Дорофевна
Чмокъ Ванюшу разъ, другой:
«Помиримся милый мой»,
Сладко Ванюшкѣ сказала;
Посреди шатра вновь стала,
Оглядѣться недала,
Руку кверху подняла:

«Эй! шатеръ, ко мнѣ на ручку!...»
Поднялся шатеръ за тучку,
Завернулся вновь клубкомъ,—
И оттудова потомъ
Тихо въ ручку опустился;
Въ пальцахъ розовыхъ сокрылся.
Одурѣлъ совсѣмъ Иванъ:
Видитъ, точно—не обманъ.
Ваня вдругъ развеселился,
Чуть отъ счастья не взбѣсился;
Женку чуть не задушилъ;
Позволенія просилъ
Отпустить къ отцу родному,
Государю дорогому,
На одинъ лишь на денёкъ
Или только на часокъ;
Показать царю почтенье,
Воли отчей уваженье;
Отвести шатеръ большой
И похвастаться женой.
Королевна непретила,
Тотчасъ Ваню отпустила.
Богатѣе во сто разъ,
Ослѣпительно для глазъ,
Въѣхалъ Ваня въ отчье царство.
Взбѣленилось государство:
Люди падаютъ ничкомъ,
И бѣгутъ къ царю потомъ
Доложить, чтобъ веселился,
Что царевичъ возвратился,
Подъѣзжаетъ ко дворцу.
Въ этотъ разъ царю-отцу

Отъ той вѣсти жутко стало,
Дрожь по тѣлу пробѣжала;
Онъ затрясся, посинѣлъ,
Съ мѣста сдвинуться не смѣлъ.
Вотъ царевича бояре
Чинно, рядышкомъ, по парѣ,
Ко дворцу царя идутъ
И дары ему несутъ.
Подступивъ смиренно къ трону,
По земному всѣ поклону
Отдаютъ стопамъ царя:
«Непобрезгуй!» говоря;—
И кладутъ дары златые
Въ ноги царскія драгіе.
Вслѣдъ за ними самъ Иванъ,
Какъ велитъ то царскій санъ,
Выступаетъ тихо, кротко;
Съ перевалкою походка;
На подушкѣ золотой
Онъ несетъ шатеръ драгой.
Приступивъ къ отцу родному
Государю дорогому.
Обѣ ножки цѣловалъ,
На подножье даръ свой клалъ
И сказалъ такое слово:
«Ты желалъ шатра такого,
Коли въ горсть его зажать,
Чтобъ шатра и не видать.
А разбить, чтобъ войско стало
И другъ друга не толкало.
Вотъ тебѣ такой шатеръ,
Шитый шелкомъ весь, въ узоръ,

Афросиньюшка прислала;
Поклониться приказала.»
Не улыбой царь сидитъ,
Шарикъ маленькой вертитъ;
На губахъ скользитъ презрѣнье:
«Передай благодаренье
Отъ меня твоей женѣ,—
Угодила очень мнѣ...
Какъ пойду ужо сражаться,
Буду имъ я пробавляться.
Вмѣсто рати я моей—
Посажу въ ней мурашей.
Чтобы рати не кусали,
Волдыри чтобъ не скакали...»
Злобно молвилъ царь-отецъ,
Попривставши наконецъ;—
И швырнулъ шатромъ въ Ивана.
«Надо мной смѣяться рано;
Афросинья молода,
Во Саксоньи не была»...
—«Не сердись отецъ родимый,
Не сердись мой царь любимый,
На меня съ моей женой;
Мы невинны предъ тобой;
Не посмѣемъ мы смѣяться,
Надъ тобою издѣваться.
Рать покрою я шатромъ
Всю, просторно ни почемъ.
Выйдемъ вмѣстѣ въ чисто поле;
Разобьемъ шатеръ на волѣ.
Самъ, посмотришъ, поглядишъ;
Жалко станетъ, что бранишъ

За посылку дорогую,
Ты, жену мою младую.»
Злится царь все болѣ, болѣ,
А Иванъ на чисто поле
Въ силу батюшку ведетъ;
Въ кулачкѣ шатеръ несетъ.
Вышли вмѣстѣ на средину,
Посогнувъ не много спину,
Вверхъ Иванъ лукнулъ шатромъ—
Ровно маленькимъ мячёмъ.
Царь за нимъ слѣдитъ глазами;
Видитъ онъ, надъ головами,
Изъ комочка, въ тотъ же мигъ,
Развился шатеръ великъ.
Тихо на поле спустился,
Лугъ огромный весь покрылся
До закраинъ, весь кругомъ,
Подъ диковиннымъ шатромъ.
Пересталъ тутъ царь бѣситься
И изволилъ удивиться,—
И изволилъ приказать,
Чтобъ въ шатеръ вступала рать.
Рать вошла—безъ разговора
И осталося простора
Подъ шатромъ еще внутри—
На такія войска три.
Умягчивши царску душу,
Царь тутъ обнялъ самъ Ванюшу;—
И сказалъ: «благодарю!».
Въ землю палъ Иванъ царю
И на ноженьки скакнувши,
Руку къ верху проткнувши,

Вдругъ нежданно крикнулъ такъ:
«Эй! шатеръ, ко мнѣ въ кулакъ!»
Поднялся шатеръ взвиваясь;
Вновь клубочкомъ завиваясь,
Книзу тихо падать сталъ.....
Въ пальцахъ Ванюшихъ пропалъ;
Видя, какъ шатеръ удобенъ,
Веселъ царь сталъ и незлобенъ;
Сталъ сынка благодарить,
Чѣмъ не зналъ и угостить.
Такъ прошли бы всѣ раздоры;
Да пошли переговоры:
Поднялись бояре вновь
И царю взмутили кровь.
Царь и дѣлать что—не знаетъ,
За колдуньей посылаетъ,
Чтобъ дала ему совѣтъ:
Какъ избавиться отъ бѣдъ.
Вѣрить надо ли навѣту,
Аль опасности и нѣту.
«Правда—царь, эй берегись....
Отъ бояръ не оттолкнись!
Все, что сказано—не лживо;
Не вини несправедливо.
Въ сердцѣ держитъ зло Иванъ:
Ласка вся его—обманъ!»
— «Что-жь мнѣ дѣлать, Боже! Боже!
Предприму теперь я что же,
Чтобъ Ивана удалить?
Дверь нельзя же затворить
На носъ мнѣ родному сыну?».
—» Я найду тебѣ причину,

Чтобъ Ванюшу удалить;
Надо царь тебѣ просить,
Чтобъ отъ женки—молодицы,
Онъ привезъ тебѣ водицы
Изъ пещеры двухъ звѣрей,
Для всей рати—для твоей,
И для всей твоей столицы.
Свойство дивной той водицы
Всѣ болѣзни излѣчать,
Хворь глоткомъ однимъ снимать.
Онъ воды той недостанетъ
И у женушки застрянетъ.
Вѣрь мнѣ царь, что будетъ такъ;
Нѣтъ, скорѣе свистнетъ ракъ,
Чѣмъ снохѣ—то молодицѣ
Раздобыться той водицы.»
—»Ладно, ладно, — молвилъ царь,
Велемудрый государь.
«Попрошу у молодицы
Той диковинной водицы».

—

ГЛАВА X.

Погостилъ Иванъ денёкъ,
Да и смотритъ на утёкъ.
Сталъ домой онъ собираться,
Подошелъ съ царемъ прощаться;
Царь его поцѣловалъ

И такую рѣчь держалъ:
«Ну, Ванюшинька любезный,
За шатеръ мнѣ преполезный —
Отвези поклонъ женѣ;
Угодила Фрося мнѣ.
Да скажи—пусть уваженье
Мнѣ докажетъ и почтенье;
Пусть потѣшитъ старика;
Просьба есть не велика:
Пусть достанетъ мнѣ водицы
Для моей—для всей столицы
И для рати для моей,
Изъ пещеры двухъ звѣрей.
Та водица хворь снимаетъ,
Всѣ болѣзни излѣчаетъ;
Не равно случай какой,
Будетъ, значитъ, подъ рукой.
Ваня въ ноги повалился,
Царю-батюшки взмолился,
Чтобъ избавилъ отъ бѣды —
Не просилъ такой воды,
Что и въ свѣтѣ не бываетъ.
Царь Ванюши не внимаетъ
И кричитъ: «не разсуждай!
Безъ воды не пріѣзжай!»
Скрывъ душевную тревогу,
Ваня ѣхалъ всю дорогу,
А какъ женку увидалъ,
Ей рыдаючи сказалъ:
«Афросиньюшка родная,
Королевна дорогая,
Непослушалъ я тебя,

Загубилъ совсѣмъ себя.
Проситъ царь теперь водицы
Для своей—для всей столицы
И для рати—для своей,
Изъ пещеры двухъ звѣрей.
Та вода, слышъ, излѣчаетъ,
Всяку хворь рукой снимаетъ;
Чай воды такой и нѣтъ —
Обойди хоша весь свѣтъ!
— »Только Ваня? стоитъ рваться!
Надо было обѣщаться.....
Раздобудемся воды
Мы безъ всякой—безъ бѣды,
У меня на то есть мѣры.
Та вода бьетъ средь пещеры;
Ключь два звѣря стерегутъ,
Брать воды въ немъ не даютъ.
Кто дотронется — терзаютъ,
На клочечки разрываютъ.
Груда тамъ лежитъ костей;
Ты-жъ, Ванюша, не робѣй,
Какъ увидишъ всѣ тѣ виды;
Зачерпнешъ ты безъ обиды
Той водицы у меня,
Въ томъ тебѣ порукой я,
Иль твоя я не супруга...
Эй! сюда моя прислуга!
Повариха! поскорѣй
Рѣжъ барана пожирнѣй; --
И средь самой середины,
Разруби на половины!
Эй! конюшіе, живѣй

Осѣдлайте двухъ коней!
Эй, старуха — казначея,
Въ сокровищницу быстрѣе!
Въ золотомъ тамъ сундукѣ
Спрятанъ, помню, въ уголкѣ;
Между разныхъ побрякушекъ,
Жемчуговъ и бѣздѣлушекъ,
Свернутъ въ сизенькой платокъ,
Шерсти кошечьей клубокъ;
Да пойдешъ когда оттуда,
Въ кладовой, гдѣ вся посуда
И все куханно добро;
Захвати мнѣ то ведро
Гдѣ вода не отопьется,
Неколыхнетъ, непрольется,
Хоть вверхъ дномъ переверни,
Хоть каплюшечки—ни, ни!»
Королевна приказала
И царевичу сказала:
«Слушай, Ванюшка, меня;
Научу теперь тебя
Предпринять какія мѣры,
Чтобъ доѣхать до пещеры;
Какъ звѣрей тѣхъ поунять,
Чтобъ отъ нихъ не пострадать.
Вскинь барана на гнѣдаго;
Самъ садись на воронаго;
Отъ коня переднихъ ногъ,
Шерсти кошачьей клубокъ
Взявши правою рукою,
Покати передъ собою;
Вмигъ по кочкамъ, по буграмъ

Мой клубокъ доскачетъ самъ.
Подтянувъ коней уздечки,
Чтобы были не далечки
И бѣжали-бъ о-бочёкъ;
Все скачи, скачи дружокъ,
Двухъ коней все подгоняя,
Отъ клубка не отставая.
Вдругъ завѣтный мой клубокъ
Предъ тобой задавъ прыжокъ,
У пещеры грозной станетъ;
Ревъ звѣрей страшнѣйшій грянетъ.
Ты-жъ, Ванюша, не робѣй, —
И съ сѣдла скочи скорѣй!
Ухвати барана части
И заткни проворно пасти —
Ими лютыхъ двухъ звѣрей,
Что полѣзутъ изъ дверей,
Страшно щелкая зубами,
Землю роючи когтями.
Мимо ихъ тогда бочкомъ
Проскользни мой другъ съ ведромъ,
Въ глубь глубокую пещеры;—
И среди горючей сѣры,
Гдѣ вода кипитъ ключемъ,
Черпни въ волюшку ведромъ; —
И иди спокойно, тихо;
Небывать съ тобою лиха!
Знай, идетъ кто съ той водой—
Господинъ звѣрямъ прямой.
Станутъ звѣри увиваться
И ласкаться, и лизаться,
Спрятавъ кости и клыки

Какъ дворовые щенки.
И одинъ тутъ звѣрь мохнатый,
Съ рыжей гривой, бородатый,
Сядетъ смирно и потомъ
Завернетъ языкъ крючкомъ.
Ты-жъ, Ванюша, неробѣй;
То ведро ему смѣлѣй
Вздѣнь проворно на языкъ;
Свистни, гаркни!.. Въ тотъ же мигъ
Звѣрь помчится и водицу
Понесетъ къ царю въ столицу.
Ты за нимъ; а звѣрь другой
Понесется за тобой.»
До столицы провожая,
Отъ бѣды предохраняя;
Вотъ и всё, мой дорогой;
Поѣзжай, Господь съ тобой!»
Королевна такъ сказала
И Ванюшу провожала.
Вышелъ Ваня; у дверей
Держатъ конюхи коней.
Повариха съ поварами —
Ждутъ съ бораньими частями;
Казначея ждетъ съ клубкомъ
И серебрянымъ ведромъ.
Вздѣвъ барана на гнѣдова,
Ваня прыгъ на воронова;
Двѣ уздечьки подтянувъ,
Королевнѣ подмигнувъ,
Съ женкой милою простился;
Шапку снялъ, всѣмъ поклонился;
Отъ коня переднихъ ногъ

Покатилъ впередъ клубокъ,
Захватилъ ведро рукою, —
И пустился самъ стрѣлою
Вслѣдъ за пущеннымъ клубкомъ,
Да и скрылся за лѣскомъ.
Вотъ поля, луга мелькаютъ,
Вотъ кусточки пробѣгаютъ,
Вотъ темнѣетъ страшный боръ,
Гребешки рябѣютъ горъ.
Облака межъ нихъ бѣлѣютъ,
Рѣчки ясно голубѣютъ,
А клубочекъ все бѣжитъ,
Шерстка кошечья трещитъ.
Тонетъ онъ во мхѣ зеленомъ,
Скачетъ онъ въ пескѣ каленомъ,
По болотамъ, тамъ и сямъ,
Прыгъ, да прыгъ по бугоркамъ.
Черезъ рѣки на лету,
Какъ подкинутый въ лапту,
Съ бережка на бережокъ,
Задаетъ одинъ прыжокъ.
А царевичъ вслѣдъ все мчится,
Не робѣетъ не боится;
Прямъ какъ струночка сидитъ,
Гордымъ соколомъ глядитъ.
Вдругъ нежданно конь рванулся,
Уши поднялъ, встрепенулся;
А клубочекъ—коноводъ
Передъ Ваней — какъ прыгнетъ,—
И на мѣстѣ завертѣлся.
Еле Ваня оглядѣлся,
Какъ изъ каменной горы,

Изъ темнѣющей норы,
Раздался вдругъ ревъ свирѣпый; —
И звѣрище пренелѣпый,
Съ величающей главой;
А за нимъ еще другой,
Да еще того страшнѣе;
Больше вдвое, свирѣпѣе,
На царевича ползутъ,
Землю роютъ и дерутъ.
Ваня видитъ — дѣло плохо;
Въ торопяхъ, съ переполоха,
Кувыркомъ съ коня долой.....
И проворною рукой
Ухвативъ барана части,
Въ мигъ одинъ уткнулъ имъ въ пасти —
Двухъ страшнѣющихъ звѣрей; —
И безъ всякихъ — безъ страстей,
Помня женки наученье,
Безо всякаго смущенья,
Мимо пхъ, бочкомъ, бочкомъ,
Пробирается съ ведромъ.....
И пошелъ спокойно, тихо.
Не ревутъ ужь звѣри лихо,
Не мотаютъ головой,
Видя Ванюшку съ водой.
Стали ластиться, лизаться
И у ножекъ увиваться,
Спрятавъ когти и клыки
Какъ дворовые щенки.
И одинъ тутъ звѣрь лохматый,
Престрашнѣйшій, бородатый
Сѣлъ на лапы и потомъ

Завернулъ языкъ крючкомъ.
И Ванюша не робѣя,
На языкъ ему скорѣе,
Нетрепещущей рукой,
Нацѣпилъ ведро съ водой.
Звѣрь помчался,—и водицу
Въ государеву столицу,
Передъ Ванюшкой несетъ,
Не колыхнетъ, не плеснетъ.
Ваня вслѣдъ съ двумя конями;
А за ними все пятами,
Какъ надежнѣйшій конвой,
Провожаетъ звѣрь другой.
Ваня въѣхалъ въ отчье царство—
Испужалось государство!
Лѣзутъ всѣ, кто какъ попалъ,
Кто въ канаву, кто въ подвалъ;
А иные, побойчѣе,
Ко дворцу бѣгутъ скорѣе,
Чтобъ царя предупредить,
Отъ страстей предохранить.
Царь услышавъ вѣсть такую,
Ухвативъ главу сѣдую,
Лишь качаться молча сталъ;
Ни словечка не сказалъ.
Только рученьки дрожали,
Ножки словно какъ плясали;
А лице въ перекосокъ
Все стянуло на високъ,
Всѣ бояре какъ сомлѣли,
Съ мѣста двинуться не смѣли.
Вдругъ раскрылась настежь дверь; —

И въ нее огромный звѣрь,
Какъ овечка благонравно,
Лѣзетъ тихо, мирно, плавно;
Воду чудную несетъ;
Вслѣдъ царевичъ самъ идетъ,
А за нимъ и звѣрь другой
Выступаетъ какъ конвой.
Вслѣдъ бояръ взяла трясица —
Индо мертвы стали лица;
Зубъ на зубъ не попадетъ.
Вотъ съ водою звѣрь идетъ,
Подступаетъ смирно къ трону,
Лишь не вымолвитъ: «не трону!».
А добрехонько глядитъ;
Хвостъ поджавши все стоитъ.
И потомъ не торопливо,
Въ поглядѣнье всѣмъ и диво,
Препочтительнѣйше самъ
Подступилъ къ царя стопамъ;
Сталъ покорно на колѣни,
На червчатыя ступени;
Опустилъ ведро съ водой,
Билъ въ подножье головой,
Искони какъ то вѣдется,
Кто той радости добьется;—
Ножку звѣрь хотѣлъ лизнуть;
Но изволилъ царь вздрогнуть.
Звѣрь тотчасъ же отдалился,
Изъ палатъ бѣжать пустился;
А за нимъ и звѣрь другой,
Хвостъ поджавши подъ собой.
Тутъ царевичъ приближаясь,

Въ ноги батюшки склоняясь,
Кротко такъ царю сказалъ:
«Ты, отецъ мой, приказалъ
Привести тебѣ водицы,
Для твоей — для всей столицы,
И для рати для твоей,
Изъ пещеры двухъ звѣрей.
Чтобъ вода та излѣчала,
Хворь глоткомъ однимъ снимала; —
Вотъ тебѣ воды ведро;
На здоровье, на добро
Афросиньюшка прислала,
Поклониться приказала.
А чтобъ силу въ ней узнать,
Царь изволь ты приказать,
Не стояла чтобы даромъ,
Прихлебнуть отъ ней боярамъ; —
Ихъ трясица всѣхъ трясетъ,
Отъ воды тотчасъ пройдетъ.»
Царь немного ободрился,
На Ванюшу покосился
И изволилъ приказать:
«Подходите всѣ хлебать
Сей диковинной водицы —
Не трястись чтобъ отъ трясицы;
У моихъ — у царскихъ ногъ,
Изъ ведра одинъ глотокъ.»
И повытянувши лица,
Подходили всѣ къ водицѣ.
Царь затѣмъ самъ наблюдалъ,
Чтобъ бояринъ всякъ глоталъ:
«Нече, нече упираться.....

Я хочу скорѣй дознаться:
Исцѣляетъ ли вода?
Самъ хлѣбну ее тогда.
Самому мнѣ что-то жутко.
Ну, иди скорѣй, Милютка!
Ты, Хомякъ, скорѣй ступай;
Василекъ! хлебай, хлебай.....
Ершъ разбойникъ, эй ты, Змѣйка;
Подходите Блошка, Шейка,
Ротъ Обращикъ разѣвай.....
Эй ты, Шушера, глотай!...»
Всѣ по кличкамъ подходили,
Злой неволей воду пили,
Но проглотятъ лишь глотокъ;
Разогрѣетъ животокъ —
И рукой снята трясица.
«Вижу, вижу я, водица
Излечаетъ боль глоткомъ; —
Поднесите, мы попьемъ.»
Царь сказалъ, и всѣ толпою
Поднесли ведро съ водою
Къ государевымъ устамъ.
Царь погладилъ по усамъ
И не морщася ни мало,
Ну дудить, что силы стало;
Ужь дудилъ же онъ, дудилъ,
Съ полъ-ведра одинъ отпилъ.
А вода все прибываетъ,
Ровно царь не отпиваетъ; —
И стоитъ полнымъ полна,
Со краями всѣ ровна.
Царь, что пьетъ, то веселѣетъ;

Все, что пьетъ, то молодѣетъ.
Подбодрился молодцомъ,
Точно кровь сталъ съ молокомъ:
«Ай, сноха, ай, молодецъ!
Ай, диковина водица!
Сталъ я точно молодой.....
Нарядить кулачный бой!
Ай, Афрося, угодила!
Эка сила привалила —
Поломаться я хочу;
Я васъ други угощу!....»
Потянувшись ввѣрхъ руками,
Потрясая кулаками,
Царь боярамъ говорилъ:
«Я медвѣдя бы сломилъ!»
Бой тотчасъ же нарядили,
Въ чисто поле выходили;
Разогрѣвшись весь, какъ жаръ,
Царь одинъ на всѣхъ бояръ —
Вышелъ смѣлыми шагами; —
Ну, тузить ихъ кулаками.
Какъ не хватитъ — всё въ животъ,
А боярин и замретъ.
Повалилъ ихъ цѣлу груду:
«Ну лечить теперь васъ буду....»
Улыбаясь царь сказалъ,
За водицею послалъ.
Рты боярамъ раскрывали,
По глотку воды вливали;
Кто лишь только проглотнетъ,
Словно встрепаной вспрыгнетъ.
Синяковъ, какъ не бывало,

Болѣсть всю рукою сняло;
Царь на радости такой,
Задалъ пиръ опять большой.
Самъ Ванюшу угощаетъ,
Крѣпко къ сердцу прижимаетъ;
Кормитъ въ силу и поитъ,
Такъ въ глаза вотъ и глядитъ.
Какъ всѣ попили, поѣли,
Отдохнуть всѣ захотѣли;
Царь съ сынкомъ въ одну кровать
Улеглися почивать;
А бояре той порою,
Всѣ шептались межь собою,
Какъ теперь имъ поступить,
Чтобъ царевича сгубить.
Лѣзть съ навѣтомъ не вольготно
И не оченно охотно; —
Вѣдь шептать царю въ ушко
Не всегда оно легко.
Ну, какъ вдругъ—да взбѣленится?
Чтобъ самимъ не поплатиться.....
И опять они толпой
Побрели къ колдуньѣ злой.
«Гой ты, бабушка родная!
Непокинь насъ дорогая,
Изведи Ванюшку намъ;
Спитъ съ царемъ онъ тамъ.
На него царь не надышитъ,
Въ немъ опять души не слышитъ;
Намъ пришелъ всѣмъ карачунъ.
Вѣдь царевичъ-то колдунъ!....
Онъ привезъ отъ молодицы

Для отца такой водицы,
Что старикъ однимъ глоткомъ —
Такъ и ходитъ — ходуномъ.
Что лѣтъ сорокъ не бывало —
Въ лысу голову запало.
Знай кричитъ: «я молодой!»
Нарядилъ кулачный бой,
Всѣхъ бояръ перекалечилъ,
Животы намъ изувѣчилъ; —
И поилъ насъ на убой
Молодухиной водой.
Просто срамъ и поруганье;
Мы дались на посмѣянье;
Помоги намъ въ горе зломъ,
Развѣди своимъ умомъ!
Надаримъ тебѣ мы злата,
Станешь бабка ты богата;
Мы съумѣемъ ублажить,
Лишь бы съ Ванькой порѣшить!»
Такъ бояре говорили,
Ей поклоны въ поясъ били.
«Нече воду-то толочь;
Убирайтесь всѣ вы прочь!
Вижу я — вы всѣ трусишки;
Испужалися, мальчишки.
Я — не вы, не трусея,
Справлюсь мигомъ съ Ванькой я;
Коль шатеръ не взялъ, водица,
Такъ возьметъ одна вещица.
Побреду-ко я къ царю,
Кой о чемъ поговорю».
Царь съ царевичемъ проснулись,

Другъ на друга улыбнулись; —
И Ванюшинька домой,
Къ женкѣ милой, молодой
Сталъ у батюшки проситься;
Царь изволилъ согласиться; —
И царевичъ, тотъ же часъ,
Вышелъ вонъ отдать приказъ,
Чтобъ въ лугу коня поймали,
Поскорѣе осѣдлали
И вели бы ко дворцу,
Ко цареву — ко крыльцу.
Только соколъ — Ваня съ мѣста,
А ворона и на мѣсто.
Вѣдьма злющая ползетъ,
Сладку рѣчь царю ведетъ:
«Здравья, царь, тебѣ желаю;
Съ новымъ дивомъ поздравляю!
Какъ ты, царь, помолодѣлъ,
Покраснѣлъ и побѣлѣлъ!
Я любя тебя, водицы
Попросить у молодицы —
Научила милой мой.
Вишъ, какой сталъ молодой!
Молодица, знать, богата
И добра, и торовата;
Счастливъ ты такой снохой;
Вотъ шатеръ тебѣ большой
И водицу, всё прислала.
Вотъ когда-бъ она достала,
Чтобъ тебѣ, царь, угодить,
Чтобы жизнь твою хранить —
Человѣка ростомъ съ ноготь,

Борода длиною съ локоть,
Да съ аршиннымъ мѣднымъ лбомъ,
Да съ желѣзнымъ горбомъ;
Руку съ нитку толщиною,
Съ сто пудовой булавою, —
Ровно тросточкой вертитъ,
Словно перышкомъ шалитъ.
Какъ пойдешъ ты, царь, сражаться,
Нече будетъ опасаться.
Булавою онъ махнетъ —
Всѣхъ враговъ твоихъ побьетъ;
Только станетъ лишь мокренько, —
И иди впередъ смѣленько;
А упрется коль горбомъ —
Городъ сдвинетъ ни почемъ —
И смететъ весь бородою;
Мѣсто значитъ за тобою.
А ударитъ въ башню лбомъ —
Вся разсыплется пескомъ;
Вотъ, такъ-то тѣлохранитель.....
И помощникъ и спаситель!
Былъ бы, царь ты мой, за нимъ —
Въ вѣки вѣчности хранимъ.
Попроси, авось въ почтенье,
Въ знакъ любви и уваженья,
Молодуха-то найдетъ
И въ подарочекъ пришлетъ».
Царь все слушалъ, улыбался,
Весь желаньемъ разгарался;
Такъ и мнится всё ему:
Весь-де міръ мнѣ одному
Съ человѣчкомъ отвою; —

И тогда я забастую.....
Сяду въ тронъ и никогда
Ни ногою никуда:
«Ай старуха научила!
Ты меня разодолжила!
Значитъ буду властелинъ
Въ цѣломъ мірѣ — я одинъ.
Попрошу я человѣчка,.....
Ну, спасибо за словечко!
Мнѣ — ты правая рука.
Ну, ступай, я жду сынка».
Вотъ пришелъ Иванъ прощаться;
Царь съ нимъ началъ обниматься;
Напослѣдокъ такъ сказалъ:
«Ты меня побаловалъ;
За диковинку водицу —
Поцалуй ты молодицу;
Да скажи: «у старика
Просьба есть не велика.
Пусть сноха мнѣ въ оборону,
Къ моему, Ванюша, трону
Охранителя пришлетъ;
Вотъ какого пусть найдетъ:
Человѣчка ростомъ съ ноготь,
Борода длиною въ локоть,
Да съ аршиннымъ, мѣднымъ лбомъ,
Да съ желѣзнымъ горбомъ;
Руки съ нитку толщиною,
Съ сто пудовой булавою, —
Словно тросточкой вертитъ,
Ровно перушкомъ шалитъ...
Коль горбомъ онъ поупрется —

Городъ съ мѣста сковырнется;
А ударитъ въ башню лбомъ, —
Разлетится вся пескомъ; —
И чистехонько одною
Хламъ смѣтетъ весь бородою.
Вотъ такъ кладъ—не человѣкъ!
Не забылъ бы цѣлой вѣкъ,
Еслибъ Фрося мнѣ прислала,
Старика побаловала.
Такъ скажи ей отъ меня,
Что прошу усердно я,
Чтобъ прислала человѣчка...
Не забудь же ни словечка,
Мой Ванюшка дорогбй; —
Поѣзжай, Господь съ тобой!»

—

ГЛАВА XI.

Ваня индо улыбнулся,
Думалъ—батюшка рѣхнулся;
Даже слова не сказалъ,
Къ женѣ милой ускакалъ.
А пріѣхалъ — тожъ ни слова
Ей не молвилъ про роднаго;
Ходитъ все съ конца въ конецъ.
Вдругъ Афрося: «что отецъ?»
У Ванюшиньки спросила,
Бѣлой рученькой схватила
И въ глаза ему глядитъ;

А царевичъ всё молчитъ.
«Вѣрно просьба есть какая?»
—«Есть Афросинька, родная;
Да нельзя ее сказать,
Какъ отца мнѣ выдавать?
Дѣло — просто небылица!....
Что шатеръ и что водица!...
Царь-отецъ, кажись—того...
Разумъ что-то у него...»
Началъ Ваня объясняться,
А Афрося добиваться:
«Проситъ что отецъ родной,
Ты скажи мой дорогой?
Можетъ батюшка желаетъ
То, что въ свѣтѣ и бываетъ.
Глазки ясные утри;
Безъ запинки говори!»
—«Стыдно вымолвить словечко:
Проситъ царь, слышъ, человѣчка —
Чтобы тронъ его хранить,
Чтобъ въ сраженьи съ нимъ ходить.
Чтобы ростомъ былъ онъ съ ноготь,
Борода длиною съ локоть...»
«Знаю, знаю дорогой;
Это братецъ мой родной...
Вотъ ужь стоило скрываться,
Надо было обѣщаться.
Братца Митьку я царю
Преохотно подарю.
Онъ теперь въ подземномъ царствѣ
Княжитъ, въ мѣдномъ государствѣ.
Впрочемъ это пустяки.....

Отдала я рудники
Мити вовсе не для славы;
Для одной развѣ забавы.
Онъ играетъ въ нихъ, шалитъ;
Мѣдь горбомъ своимъ пилитъ.
А распилитъ на пластинки,
Сноситъ въ кучу ихъ на спинкѣ,
На кусочки колетъ лбомъ, —
И въ песочекъ ихъ потомъ
Булавою растираетъ,
Да бородкой заметаетъ.
Полно Мити баловать;
Надо свѣтъ ему узнать!
Нече даромъ-то блыкаться,
Надо къ дѣлу пріучаться.
Все ребеночкомъ слыветъ,
Отъ того что не ростетъ.
Онъ родился вслѣдъ за мною
Такъ — какъ есть и съ бородою.
Онъ презлющій, прелихой!
Ты смотри, Ванюша мой,
Станетъ онъ когда являться,
Не изволь его пугаться.
Престрашнѣйшій онъ уродъ:
До ушей огромный ротъ,
Морда словно какъ у кошки;
Оловянныя двѣ плошки
Вмѣсто глазъ изъ лба торчатъ;
Видятъ всё, а не глядятъ.
Ты, смотри, не улыбнися,
Поучливѣй обойдися;
А не то онъ вѣдь презлой—

Мигомъ хватитъ булавой.
Помни, Ваня, не пугайся;
Понялъ все?... Ну, дожидайся.
Эй! кто тамъ? сюда живѣй;
Вскрыть подполье мнѣ скорѣй!»...
Закричала королевна,
Афросинья Дорофевна.
Всѣ сбѣжались люди вмигъ,
Своротили половикъ,
Всѣ за кольца дружно взялись
Раскачались, раскачались,
Затянули: «ухъ, ухъ, ухъ!...»
И приподняли всѣ вдругъ
Три тяжелыхъ половицы,
Пообтерли потны лица
И всѣмъ тѣломъ уперлись,
Чтобъ опять не заперлись.
А прекрасна королевна,
Афросинья Дорофевна,
Со стѣны рожекъ златой,
Отцѣпила и рукой
Къ губкамъ розовымъ прижала;
Звонко, звонко заиграла
Надъ подпольемъ наклонясь,
За Ванюшиньку держась:
«Выгоняйте вы скотину
На широкую долину...»
Льется пѣсенка, гудитъ,
Въ глубь чернѣйшую летитъ.
Вдругъ свѣтло въ подпольѣ стало,
Ровно солнце засіяло;
По ступенямъ топъ, топъ, топъ.....

Вылѣзаетъ мѣдный лобъ,
А за нимъ и Митя съ ноготь,
Борода влачится съ локоть,
Горбъ желѣзный пребольшой;
Съ сто пудовой булавой.
Морда точно какъ у кошки,—
И глаза торчатъ какъ плошки.
— «Вотъ, Афросинька, и я!
Ты зачѣмъ звала меня?
Тамъ я только разыгрался —
Мѣди мнѣ кусокъ попался,
Такъ растеръ вотъ что мука́.
Вдругъ услышалъ звукъ рожка.
Что скажи моя отрада,
Что тебѣ отъ Мити надо?
Прикажи — я всѣхъ убью,
За сестрицу за мою!
— «Нѣтъ, Митюша, не сердися;
Попустому не бѣсися, —
Я звала тебѣ сказать,
Что хочу тебя отдать
Я царю во услуженье.
Будешъ ты ходить въ сраженье,
Съ супостатомъ воевать,
Булавой ихъ убивать.
Брось ребячьи ты утѣхи;
Будетъ много тамъ потѣхи:
Будешъ бить ты башни лбомъ,
Города валить горбомъ.»
—«Ахъ сестрица дорогая,
Ахъ Афросинька родная!
Я хочу, хочу, хочу.....

Гдѣ тотъ царь? я полечу!....»
—«Погоди, не торопися;
Прежде, Митя, оглядися:
Вотъ мой мужъ и братецъ твой,
Полюби его родной;
Не кажи косаго виду,
Не давай его въ обиду;
Онъ дороже мнѣ всего,
Береги, смотри, его!
Онъ тебя къ отцу родному,
Къ Государю дорогому,
Въ услуженье поведетъ».
Тутъ страшнѣющій уродъ
Просіялъ, развеселился,
Такъ въ Ванюшу и вцѣпился:
Обнялъ крѣпко, цаловалъ
И царевичу сказалъ:
—«Будемъ други мы съ тобою!
Ты за мной — какъ за стѣною;
Припѣваючи живи!
Ради братской я любви,
Лба, горба не пожалѣю,
Защитить тебя съ умѣю;
Покосись кто на тебя,
Лбомъ, какъ разъ пристукну я.....»
Братья очень подружились,
Въ путь скорѣе торопились, —
И дороженькой вдвоемъ
Въ царской градъ пошли пѣшкомъ.
Митя первый выступаетъ,
Путь Ванюши разметаетъ,
Такъ и лѣзетъ на проломъ,

Всё ему да не почемъ.
Дубъ стоитъ, гора ль большая
Путь ему перегораждая,
Хватитъ Митя только лбомъ,
Вся гора летитъ какъ комъ.
Дубъ и съ корнемъ сковырнется,
Всё бородкой подметётся,
Хоть — те яица катай —
Чисто, гладко — вновь ступай!
Подошли они ко граду;
Лишь ступили за ограду,
Какъ увидѣлъ весь народъ,
Что такой идетъ уродъ —
Всѣ глаза позакрывали,
Ровно мертвые упали
И лежатъ себѣ ничкомъ,
Поуткнувшись въ землю лбомъ.
Митя видитъ, что боятся,
Началъ съ яростью кидаться
На безвинныхъ — на людей,
Съ булавою со своей.
Но Ванюша осердился,
Строго Мити пригрозился;
Взялъ за ручку какъ отецъ
И пошли съ нимъ во дворецъ.
Всѣ испуганы такъ были
Что царю не доложили.
Царь былъ занятъ той порой
Съ вѣдьмой карточной игрой.
Тяжко двери заскрипѣли,
Митя съ Ванюшкой влетѣли;
Митя къ трону — вѣдьма: ахъ!

Всѣ бояре чебурахъ;
Царь какъ снопикъ покатился —
О ступенюшки убился.
Митька звѣремъ заревѣлъ,
На колдунью налетѣлъ:
«Ты царя отца убила,
Ты сынка осиротила!»
Да какъ хватитъ мѣднымъ лбомъ, —
Вѣдьма сдѣлалась блиномъ.
Гикнулъ Митька и къ боярамъ:
«Вы чего кричали дàромъ?
Отвѣчайте мнѣ, чего?
Государя моего
Вы злодѣи умертвили,
Вы сынка осиротили!
Вотъ ужь вамъ всѣмъ по дѣлóмъ!...»
Крикнулъ Митя и горбомъ
По боярамъ — ну кататься,
Молотить ихъ, потѣшаться;
Заметая бородой
Соръ оставшійся долой.
А царевичъ той порою,
Изнывая злой тоскою,
Тѣло царско поднималъ,
Рѣки слезны проливалъ.
Государя схоронили,
На поминкахъ много пили.
По наслѣдью царскій тронъ,
Какъ велитъ всегда законъ,
Для Андрея присудился;
Но Андрюша подѣлился,
Сѣлъ съ Ванюшенькой рядкомъ

Въ тронѣ царскомъ золотомъ.
А по обѣ то сторонки,
Сѣли братьевъ обѣ жонки.
Вправо такъ—сидитъ Наташа,
Цвѣта маковаго краше;
На колѣночкахъ сынокъ—
Ровно сизый голубокъ.
Влѣво эдакъ—королевна,
Афросинья Дорофевна;
Словно стеклушко сквозитъ,
Свѣтъ отъ ней такъ и валитъ;
На колѣняхъ держитъ дочку—
Ровно аленькую почку.
Всѣ въ одеждахъ золотыхъ,
Всѣ въ каменьяхъ дорогихъ,
Всѣ въ порфирахъ и вѣнцахъ;
А у трона на часахъ
Смиренъ точно какъ овечка,
Не похожъ на человѣчка,
Митя маленькой стоитъ,
Булавой своей вертитъ.
Царство ихъ все процвѣтаетъ,
Дни и ноченьки гуляетъ;
Миръ тамъ вѣчный, нѣтъ войны;
Всѣ здоровы, не больны.
Все тамъ вѣдаютъ, все знаютъ,
Въ поднебесье тамъ летаютъ;
Всѣ ѣдятъ тамъ на убой,
Пиво, медъ пьютъ тамъ хмельной.
Тамъ богачества большіе;
Всѣ тамъ вѣчно молодые.
Во пиру я тамъ была,

Пиво пьяное пила,
Медомъ сладкимъ запивала,
На быстромъ коврѣ летала.
Въ ясномъ зеркальцѣ—въ вершокъ,
Милыхъ видѣлъ мой глазокъ.
Я воды тамъ прихлебнула,
Красно яблоко нюхнула,
Дивный видѣла шатёръ,
Шитый шелкомъ весь въ узоръ.
Все развѣдала, узнала,
На бумажкѣ записала.....
Коль не спится по ночамъ,
Дамъ прочесть, пожалуй, вамъ;—
И сомкнутся разомъ глазки
Отъ диковинной той сказки.

М. Каменская.

3/XII/92

C 268

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
July-August 1988
We're Quality Bound